

Правозащитный центр "Мемориал"

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

1994–1996

**Потери российских войск:
погибшие, пропавшие без вести, пленные**

Авторы доклада Ольга ТРУСЕВИЧ, Александр ЧЕРКАСОВ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- **124-я СМЛ** — специальная медицинская лаборатория Министерства обороны Российской Федерации (Ростов-на-Дону)
- **ак** — армейский корпус
- **бон** — бригада оперативного назначения
- **бр рхбз** — бригада радиационной, химической и бактериологической защиты
- **ВВ** — внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации
- **ВВС** — Военно-воздушные силы
- **ВДВ** — воздушно-десантные войска Министерства обороны Российской Федерации
- **вдд** — воздушно-десантная дивизия
- **ВК** — военный комиссариат
- **ВО ВВ** — Восточный округ внутренних войск
- **всо** — военно-строительный отряд
- **ВФП** — временный фильтрационный пункт
- **в/ч** — воинская часть
- **ГИЦ** — Главный информационный центр Министерства внутренних дел Российской Федерации
- **ГРУ** — Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации
- **Группа розыска** — Группа розыска штаба Объединенной группировки федеральных сил в Чечне
- **ГУИН** — Главное управление исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации
- **ГШ ВС ЧРИ** — Главный штаб Вооруженных сил Чеченской Республики Ичкерия
- **ГШ МО РФ** — Генеральный штаб Министерства обороны Российской Федерации
- **ДГБ** — Департамент государственной безопасности Чеченской Республики Ичкерия
- **дшб** — десантно-штурмовой батальон
- **Комиссия Государственной думы** — Комиссия Государственной думы по содействию в освобождении насильственно удерживаемых военнослужащих, гражданских лиц и поиску пропавших без вести во время вооруженного конфликта в Чеченской Республике и прилегающих к ней районах
- **КСМ** — Комитет солдатских матерей
- **КЭЧ** — коммунально-эксплуатационная часть
- **МВД** — Министерство внутренних дел Российской Федерации
- **Миссия КОВАЛЕВА** — Наблюдательная миссия правозащитных общественных организаций, действующая в зоне вооруженного конфликта в Чечне под руководством С.А.КОВАЛЕВА
- **МО** — Министерство обороны Российской Федерации
- **МО ВВ** — Московский округ внутренних войск
- **мсбр** — мотострелковая бригада
- **мсд** — мотострелковая дивизия
- **мпс** — мотострелковый полк
- **НВФ** — незаконные вооруженные формирования
- **н.п.** — населенный пункт

- **об** — отдельный батальон
- **обр** — отдельная бригада
- **оброн** — отдельная бригада оперативного назначения
- **овдбр** — отдельная воздушно-десантная бригада
- **овп** — отдельный вертолетный полк
- **ОДОН** — отдельная дивизия оперативного назначения (дивизия им.Дзержинского)
- **одшб** — отдельный десантно-штурмовой батальон
- **ОМОН** — отряд милиции особого назначения
- **омсбр** — отдельная мотострелковая бригада
- **оп** — отдельный полк
- **оптадн** — отдельный противотанковый артиллерийский дивизион
- **отб** — отдельный танковый батальон
- **оуаб** — отдельный учебный автобатальон
- **пдб** — парашютно-десантный батальон
- **пдп** — парашютно-десантный полк
- **пмп** — полк морской пехоты
- **пон** — полк оперативного назначения
- **ППОП** — пункт приема и опознания погибших
- **ПривО ВВ** — Приволжский округ внутренних войск
- **сап** — самоходный артиллерийский полк
- **СИЗО** — следственный изолятор
- **СКВО** — Северо-Кавказский военный округ
- **СЗО ВВ** — Северо-Западный округ внутренних войск
- **СибО ВВ** — Сибирский округ внутренних войск
- **СКО ВВ** — Северо-Кавказский округ внутренних войск
- **СМИ** — средства массовой информации
- **СНК** — Специальная наблюдательная комиссия
- **СОБР** — специальный отряд быстрого реагирования
- **спн** — специального назначения, спецназ
- **УрО ВВ** — Уральский округ внутренних войск
- **ФПС** — Федеральная пограничная служба Российской Федерации
- **ФСБ, ФСК** — Федеральная служба безопасности Российской Федерации, до 07.04.95 — Федеральная служба контрразведки
- **ЦОК** — Центральная объединенная комендатура Грозного
- **ЧР** — Чеченская Республика
- **ЧРИ** — Чеченская Республика Ичкерия

ВСТУПЛЕНИЕ

Словосочетания "кавказский пленник" и "кавказская война", навсегда, казалось, оставшиеся лишь в истории и русской литературе, два года назад снова ворвались в жизнь. 26 ноября 1994 г. именно пленение большой группы российских военнослужащих, завербованных ФСК, привело к перерастанию чеченского кризиса из "специальной операции" в открытую войну. Пленениями сопровождался все ее этапы: ввод войск, новогодний штурм Грозного федеральными войсками, "зачистки" равнинных сел, бои в горах и, далее, — вплоть до взятия Грозного вооруженными силами Чеченской Республики Ичкерия.

И сегодня, через месяцы после окончания боевых действий, сотни солдат остаются в плену, более тысячи разыскиваются. И хотя Хасавюртовские мирные соглашения предусматривают освобождение пленных по принципу "всех на всех" (как ранее — Назрановские, а еще ранее, в 1995-м, Соглашения по блоку военных вопросов), политики гораздо больше говорят о необходимости и сложности этого процесса, чем о его ходе и результатах.

Опубликованы списки погибших, неделями не поступают из Чечни сведения о новых жертвах, но можно с уверенностью утверждать: в России сегодня никто не знает, сколько же солдат погибло на самом деле. Их список будет пополняться — за счет тех, что значатся "пропавшими без вести" и "находящимися в плену", за счет опознания тел, уже давно лежащих в рефрижераторах 124-й СМЛ, а также извлекаемых в ходе новых эксгумаций. И вряд ли мартиролог будет скоро завершен — десятки солдат покоятся в чужих могилах, а те, чьи имена значатся на надгробиях, в действительности пропали без вести или еще не опознаны.

Точно так же неизвестно, сколько солдат находится в плену. Погибшие зачастую значатся пленными, пленные — "самовольно оставившими часть". Федеральная сторона просто не имеет списка всех своих граждан, освобождения которых она должна добиваться в обмен на содержащихся в плену чеченцев. Кроме того, непонятно, кого, каких всех насильственно удерживаемых чеченцев освобождать взамен. Этот вопрос выходит за рамки данного доклада, скажем лишь, что список требуемых к освобождению чеченской стороной столь же приблизителен, как и российский.

Те же, кто действительно был задержан, сегодня в большинстве своем вряд ли живы. Но даже если бы были составлены точные списки, без принятия закона об амнистии невозможно быстро освободить сотни плененных федеральными силами участников чеченских вооруженных формирований, обвиняемых или осужденных по статьям Уголовного кодекса РФ, и дать им гарантии, что уголовные дела в их отношении будут прекращены.

По нашему мнению, к решению этих проблем нужен комплексный подход. Необходимо:

- создать из специалистов с обеих сторон межведомственную группу розыска с широкими полномочиями;
- составить базу данных о всех погибших, пропавших без вести и плененных военнослужащих для обеспечения работы этой межведомственной группы розыска;
- поддерживать и активизировать работу по опознанию тел военнослужащих, находящихся в 124-й СМЛ;
- составить списки всех чеченцев, задержанных в ходе военных действий и содержащихся в местах лишения свободы;
- выявить все захоронения гражданских лиц и провести опознание погребенных;
- Государственной думе принять постановление о широкой амнистии участникам конфликта для правового обоснования обмена "всех на всех";
- включить в рамки амнистии солдат, самовольно оставивших часть, что станет правовой гарантией освобождаемым из плена;
- наконец, принять государственную программу, включающую и координирующую все вышеперечисленные направления работы.

* * *

Настоящим кратким докладом, не претендующим на сколько-нибудь полное изложение вопроса, авторы хотели бы аргументировать эту позицию, основываясь на опыте двухлетней работы. Сведения о пропавших без вести и плененных российских военнослужащих систематизировались в рамках проекта "Поиск" Правозащитного центра (ПЦ) "Мемориал" с января 1995 г. В работе были использованы материалы, собранные участниками многочисленных экспедиций в Чечню по программе ПЦ "Мемориал" "Горячие точки" и в рамках Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций, действующей в зоне вооруженного конфликта в Чечне под руководством С.КОВАЛЕВА. Авторы также работали в Чечне совместно как с представителями чеченской стороны, так и с офицерами Группы розыска штаба Объединенной группировки федеральных сил в Чечне. Мы стремились учесть и опыт сотрудничества в качестве экспертов с Комиссией Государственной думы по содействию в освобождении насильственно удерживаемых военнослужащих, гражданских лиц и поиску пропавших без вести во время вооруженного конфликта в Чеченской Республике и прилегающих к ней районах.

При подготовке доклада использовались исключительно открытые источники. Сведения о воинских частях получены путем анализа публикаций в прессе и из свободно циркулировавших в Чечне материалов — списков, передававшихся на переговорах чеченской стороне и международным посредникам, а также из текстов и с электронных носителей информации, захваченных чеченской стороной в ходе боев.

Публикуя этот доклад, мы сознаем, что он носит сугубо предварительный характер — как в части наблюдений и выводов в основном тексте, так и в составивших приложение списках — погибших, плененных и пропавших без вести, самовольно оставивших часть военнослужащих. Но, стремясь содействовать созданию общего информационного пространства для всех вовлеченных в проблему структур, мы надеемся, что эта публикация поможет в решении поставленной задачи.

Мы публикуем этот материал как дискуссионный, рассчитывая на заинтересованные отклики государственных структур, общественных организаций и граждан. Мы ждем писем о замеченных читателями ошибках и неточностях по адресу: 103051, Москва, Малый Каретный пер., д.12, Правозащитный центр "Мемориал", проект "Поиск", О.Трусевич, А.Черкасову.

* * *

Мы выражаем благодарность людям, самоотверженная работа которых сделала возможным появление этой книги:

- С.КОВАЛЕВУ, руководителю Наблюдательной миссии правозащитных организаций, действующей в зоне вооруженного конфликта в Чечне;
- Объединениям солдатских матерей — прежде всего Комитету солдатских матерей России, организации "Солдатские матери Санкт-Петербурга" и Челябинскому Комитету солдатских матерей; особо мы благодарим за постоянное сотрудничество Анну Ивановну ПЯСЕЦКУЮ;
- Средствам массовой информации, прежде всего — газетам "Комсомольская правда", "Труд", "Известия" и "Московские новости", опубликовавшим списки погибших и пропавших без вести;
- Журналистам, прежде всего — Ю.КАЛИНИНОЙ ("Московский комсомолец"), Д.МУРАТОВУ и С.ОРЛЮК ("Новая газета"), и А.ТРУШИНУ ("Общая газета");
- Правозащитникам А.БЛИНУШОВУ, В.БОРЦЕВУ, А.МИРОНОВУ, М.МОЛОСТВОВУ, В.ПОПКОВУ, Крису ХАНТЕРУ (Великобритания).

Мы выражаем признательность людям, много сделавшим для освобождения насильственно удерживаемых и поиска пропавших без вести:

- Представителям России П.КОСОВУ и С.ПОПОВУ;
- Представителям Чеченской Республики Ичкерия Исе МАДАЕВУ, Хусейну ХАМИДОВУ, Абдулле ДАХАЕВУ, Усаману ИМАЕВУ.

Мы благодарны представителям официальных структур за совместную работу, предоставленную помощь и сведения:

- Капитану второго ранга В.ЩЕРБАКОВУ, заместителю начальника 124-й специальной медицинской лаборатории;
- Полковникам В.ИВАНОВУ, В.ПИЛИПЕНКО и В.СКОБЦОВУ, майору В.ИЗМАЙЛОВУ, сотрудникам Группы розыска штаба Объединенной группировки федеральных сил в Чечне;
- Ю.РЫБАКОВУ и генерал-полковнику Э.ВОРОБЬЕВУ, депутатам Государственной думы РФ, членам Комиссии по содействию в освобождении насильственно удерживаемых военнослужащих, гражданских лиц и поиску пропавших без вести во время вооруженного конфликта в Чеченской Республике и прилегающих к ней районах.

Мы благодарим членов ПЦ "Мемориал" Надежду БОГАТИКОВУ, Юлию БУЛАХ и Александра ЭЙСМАНА, на которых легла значительная часть работы по проекту "Поиск", а также руководителя программы "Горячие точки" О.ОРЛОВА.

1. ПОГИБШИЕ И ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

В сентябре—октябре 1996 г. были обнародованы цифры потерь российской армии и внутренних войск в чеченской войне, Министерство обороны и Главное управление командующего внутренними войсками опубликовали мартирологи. Казалось бы, в вопрос внесена ясность и можно подвести черту. Однако простое сопоставление этих цифр свидетельствует об ином.

2 октября 1996 г., выступая в Государственной думе, секретарь Совета безопасности А.ЛЕБЕДЬ заявил:

... потери федеральных войск составили, по официальным данным, убито 3726, ранено 17 892, пропали без вести — 1906 человек¹.

В номере 236/237 "Красной звезды" от 12 октября 1996 г. опубликован "Список военнослужащих Вооруженных Сил России, погибших в Чеченской Республике (по состоянию на 4 октября 1996 года)", в котором перечислены фамилии, имена, отчества и воинские звания 2941 человек. В "Книге памяти"² этот список опубликован с указанием воинских частей — но в нем 2939 человек.

По данным Управления информации МВД, обнародованным 23 сентября, в период боевых действий с 11 декабря 1994 г. по сентябрь 1996 г. погиб 921 военнослужащий внутренних войск МВД РФ, были ранены около 4500, 279 пропали без вести, 50 насильственно удерживаются³. В номерах газеты "Труд" от 11–14 ноября 1996 г. опубликован список погибших военнослужащих ВВ по состоянию на 20 октября, в котором перечислены фамилии, имена, отчества и даты гибели 941 человек⁴.

По сведениям из штаба Объединенной группировки (Ханкала), на 13 октября 1996 г. потери федеральных сил составили убитыми — 4103 человек (2846 — МО, 1257 — МВД), ранеными — 19 794 (13 280 — МО, 6514 — МВД). В списках на розыск, включавших пленных, пропавших без вести и самовольно оставивших часть, значились 1231 человек (858 — МО, 366 — МВД, 7 — ФПС).

На 11 ноября 1996 г. в 124-ю СМЛ поступило более 815 тел погибших, из них опознано 368⁵.

Эти цифры дают материал для многих сопоставлений.

Сравним только две из них: сведения о числе погибших военнослужащих МО из штаба Объединенной группировки (2846) и из списка, опубликованного в "Красной звезде" (2941). Причины расхождения становятся ясны при анализе второго списка.

В марте 1996 г. в ответ на запрос Комиссии Государственной думы первый заместитель министра обороны РФ М.КОЛЕСНИКОВ предоставил списки погибших, пропавших без вести и находящихся в плену российских военнослужащих в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Список погибших поступил тогда под грифом "Секретно". В "Красной звезде" 12 октября 1996 г. был опубликован более поздний вариант именно этого списка. Анализ весеннего списка позволил выявить около 100 записей, дублирующих друг друга с небольшими расхождениями: при совпадении имени, отчества и воинского звания имеются незначительные различия в написании фамилий. В публикации "Красной звезды" эта особенность мартовского "секретного" списка сохранена, он содержит 114 предположительно дублирующих друг друга персоналий. Номера воинских частей по списку "Книги памяти" в этих случаях также нередко совпадают. Например, лейтенанты АНЧЕНКО Олег Константинович и ПАНЧЕНКО Олег Константинович (в/ч 65364 и 65264), майоры БАБКО Александр Иванович и БОБКО Александр Иванович (оба — в/ч 54607), рядовые БАБУЧЕНКО Эдуард Робертович (в/ч 54607) и БОБУЧЕНКО Эдуард Робертович (в/ч 61931 — 324 мсп), БЕКЕЕВ Тухторбай Абдулаевич и БИКЕЕВ Тухторбай Абдулаевич (оба в/ч 66431 — 693 мсп), БАСТАЛАКИЙ Михаил Сергеевич и ПАСТАЛАТИЙ Михаил Сергеевич (оба в/ч 34605 — 255 мсп), матросы БАЗДЫРЕВ Андрей Александрович (в/ч 81285) и БУЗДЫРЕВ Андрей Александрович (в/ч 72148).

Подобная ситуация обычно возникает в случае, когда итоговый список составляется не на основе массива личных дел или картотеки, а путем многократного сведения ряда списков. Ошибки возникают чаще всего при перенесении сведений из списка в список, тем более, когда воедино сводились списки, уже содержавшие ошибочные сведения об отдельных людях. Секретность этого итогового списка, суммирующего потери МО РФ, для внешних наблюдателей исключала возможность исправить ошибки или просто заметить дублирование. Секретность и бесконтрольность позволяли составителям вообще не выверять список. Кроме того, "секретный" список погибших был недоступен, в частности, офицерам, непосредственно занимавшимся поиском без вести пропавших и пленных военнослужащих, что затрудняло уточнение реальной судьбы солдат.

Сверка списков погибших была затруднена не только организационно, но и технически. В списке "Красной звезды" фамилии расположены почти по алфавиту (например, САПЛИН идет после СИДЕЛЬНИКОВА), в то время как при автоматической компьютерной сортировке происходит строгое упорядочение. Объяснение этому нашлось в телевизионных репортажах о работе "Горячей линии" МО с обращениями родственников военнослужащих. Там можно было видеть использовавшуюся "базу данных" — алфавитный список в текстовом редакторе "Лексикон", выверка которого проводится практически вручную, несмотря на использование компьютера.

Отметим другую особенность официального списка погибших МО РФ: хотя дублирование персоналий увеличивало официальное число погибших на три-пять процентов, реально общее число погибших может быть и занижено. Проводившееся весной—летом 1996 г. в рамках проекта "Поиск" систематическое сравнение поступающих из регионов в "Комсомольскую правду" списков погибших в Чечне военнослужащих⁷ с официальными списками выявило следующую закономерность: от десяти до пятнадцати процентов персоналий из региональных списков отсутствовали в федеральном. Эта систематическая погрешность, впрочем, могла быть связана с неспешностью ведомственной переписки. Теперь, после окончания боевых действий, необходимо повторить такое сопоставление.

О серьезных недостатках свидетельствуют и первые отклики на опубликованный список. Так, командир одной из дивизий, принимавших участие в боевых действиях в Чечне, заявил⁸, что в Чечне дивизия потеряла 287 человек, из которых 30 в список "Красной звезды" не включены, а фамилии 43 — искажены.

Некоторые военнослужащие значились и в списках погибших, и в списках пропавших без вести и пленных.

Публикуемые нами в приложении к докладу списки погибших военнослужащих ВС, ВВ и ФПС содержат более 4300 персоналий.

* * *

Чтобы стало понятно, каким образом исчезали на этой войне люди, приведем подробные свидетельства о трех трагических солдатских судьбах.

ПЯСЕЦКИЙ Николай Николаевич

Рядовой Николай Николаевич ПЯСЕЦКИЙ 1 января 1995 г. находился в боевой машине десанта номер 785, которая входила в Грозный по Старопромысловскому шоссе в колонне батальона 106 Тульской воздушно-десантной дивизии. Вот рассказ другого члена экипажа — РОДИОНОВА Сергея Федоровича⁹.

...примерно в 18.00, когда мы прорывались на железнодорожный вокзал, наша колонна была обстреляна чеченцами, впереди нашей машины загорелись две "Ноны"¹⁰. Когда они взорвались, мы обехали их, поехали прямо, и сбились с дороги, и попали в засаду чеченцев. Нашу машину подбили выстрелом из гранатомета <...> Я выбрался из башины и откатился, был метрах в 6 от машины, а у машины уже были чеченцы, они в упор расстреливали раненых, меня они не заметили в темноте, через минут 3–5 они, забрав оружие, ушли от машины.

В живых остались рядовые РОДИОНОВ, БЫЧКОВ и раненый младший сержант РАЗИН:

...подползли к машине, осмотрели убитых ЩЕЛКУНОВА, ГОНЧАРЕНКО, ТУШИНА, БАРИНОВА, ПЯСЕЦКОГО, я достал документы у старшего лейтенанта ПУШКИНА, потом залезли в машину, там остались АКТУГАНОВ, ГОЛЕНКО, они были убиты осколками, старшину САЕНКО разорвало осколками в десантном отделении.

На 30 августа 1995 г. в официальных списках Группы розыска¹¹ пленными числились Динар АКТУГАНОВ, Николай ПЯСЕЦКИЙ и Владимир САЕНКО. Вот выдержка из рассказа Анны Ивановны ПЯСЕЦКОЙ¹²:

Только 11 января я смогла обратиться в Тульскую дивизию с требованием вернуть тело погибшего сына. В дивизии ответили, что Николай Пясецкий числится пропавшим без вести. Опять звонки в штаб ВДВ. Ответ: "Ждите, все тела собирают в Ростове-на-Дону, тело вашего сына будет переправлено в Москву". Следующий звонок в в/ч 41450¹³. Прошу сообщить, при каких обстоятельствах погиб сын. <...> Точное место гибели не установлено. <...>

В ночь с 1 на 2 февраля вылетела в Ростов. В комендантской роте гостиница просмотрела все книги регистрации убитых¹⁴. Коли среди них не было. Мне объяснили, что опознаны только 40 процентов от общего числа погибших. Тогда пришлось осматривать все вазоны, находящиеся в Ростове.

Вагоны были набиты телами российских солдат. Многих уже невозможно было опознать: обглоданные собаками, разорванные на куски, обгоревшие. Ведь прошло более месяца с начала войны. Ростов не в состоянии был справиться с этим нескончаемым

потоком смерти. Кроме вагонов на территории госпиталя стоял еще палаточный городок, палатки тоже оказались сплошь забиты телами. <...> я обошла вагоны и палатки, осматривая каждого мальчика, его лицо, волосы, а если не было головы, — руки, ноги. Мой Коля приметный, у него родинка на правой щеке.

Вместе со мной шли и другие матери. Одна из них осмотрела все вагоны, а потом в самой дальней палатке нашла своего мальчика, но значился он совсем под другой фамилией.

Анна Ивановна продолжила поиски в Моздоке:

Давая разрешение на поиск, человек из штаба сказал: "Женщина, вы же понимаете, что это зрелище не для широкой публики. Вы — первая, кому официально разрешили осмотреть вагоны". Тела в вагонах лежали не на носилках, как в Ростове, а на полу. Здесь было всего 4 вагона. Моего Колю я снова не нашла.

9 февраля я выехала в Грозный. <...> Три недели прожила в этом ирреальном городе, обошла все прилегающие к президентскому дворцу улицы, кое-где встречались неубранные трупы. Удалось установить, что машину сына подбили на улице Маяковского, между памятником "Дружбы народов" и Домом печати. По словам очевидцев, в этом месте лежало около 600 российских солдат. <...> встретила десантников, остатки Колиной роты. <...> из 30 человек в строю осталось только 5, остальные кто погиб, кто ранен.

Анна Ивановна продолжила поиски — среди пленных, в горах, на контролируемой чеченской стороной территории.

4 апреля прошлого года вместе с другими 20 матерями добралась в Ведено, где находился штаб Аслана МАСХАДОВА и где, как мы думали, есть списки военнопленных. Нас разместили на ночлег в чеченских семьях. Я и еще три российские матери — Светлана БЕЛИКОВА, Татьяна ИВАНОВА и Ольга ОСИПЕНКО — прожили в Ведено почти два месяца. объездили много горных сел в поисках своих детей, но — тщетно.

В Ведено была больница, где лежали и чеченские ополченцы, и российские солдаты. Мне часто приходилось там бывать — ухаживала за тяжело раненым российским солдатом после сложнейшей операции. Рядом с Мишей СЕРГЕЕВЫМ¹⁵ лечился чеченец Муса, в мое отсутствие он ухаживал за Мишей, я же готовила еду и Мусе, и Мише.

В мае дошли сведения, что часть пленных находится в горах в Шатойском районе, упоминалась фамилия моего сына. Вскоре нас принял Аслан МАСХАДОВ. Готовилось перемирие и обмен пленными. Фронт все стремительнее приближался к Ведено, участились бомбежки.

В то время, когда мать Николая металась под бомбежками по горным селам, уже были собраны приведенные выше показания выживших товарищей ПЯСЕЦКОГО. А Анна Ивановна могла найти тело сына еще раньше:

3 марта я была рядом с сыном, только он в это время лежал не в вагоне, а в заколоченном гробу. Спутав фамилию и не обратив внимания на приметы, Колю подготовили к отправке к чужим родителям на Алтай. Человек за компьютером просто ошибся, сказав мне, что Николай

Пясецкий в компьютере не значится. Ошибся и тот солдат, который опознал в моем сыне своего однополчанина Женю Гилева¹⁶, хотя они не были похожи внешне, тем более носили разную военную форму. Коля — десантник. Женя — мотострелок.

Когда "груз 200" пришел в дальний алтайский поселок, родители Жени вскрыли гроб, но опознать тело было уже невозможно, так они похоронили моего сына вместо своего. А через полгода им пришлось хоронить второй раз, но уже родного сына. Ведь он-то, бедный Женя, лежал в вагоне под номером 162, лежал с гильзой, в которой была записка, что он Женя ГИЛЕВ.

18 сентября 1995 г. тело Евгения ГИЛЕВА было опознано, затем — отправлено родителям. Тело ПЯСЕЦКОГО вернули в Ростов. Там находилась одна из матерей, искавшая сына в горах вместе с Анной Ивановной:

Таня ИВАНОВА <...> опознала не только моего Колю, но и своего Андрея¹⁷ <...> эксперты по снимку черепа, грудной клетке и группе крови определили, что это ее сын: все тело обгорело, узнать Андрея было невозможно. <...>

У Министерства обороны долго не было денег, чтобы перевезти Колю в Москву. 15 октября я наконец встретила своего сына в Москве.

Остается добавить, что сын Ольги ОСИПЕНКО, рядовой Павел Юрьевич ОСИПЕНКО был освобожден из плена 12 июля 1995 г., но еще весной пропал без вести его отец, разыскивавший сына¹⁸. Тело Владимира Петровича САЕНКО было опознано 3 марта, а Динара Нурмухаммедовича АКТУГАНОВА — 15 июля 1996г.⁽¹⁹⁾ Сын Светланы БЕЛИКОВОЙ, прапорщик Олег Борисович БЕЛИКОВ до сих пор числится пропавшим без вести.

ТУМАЕВ Сергей Владимирович

Сергей ТУМАЕВ²⁰ погиб 8 января 1995 г. Вот отрывки из писем сослуживцев Сергея его матери²¹:

<...> мы шли на штурм Совмина. <...> перед броском через открытую местность лейтенант А.З.²² отправил меня раньше, а Сергея оставил с собой. Я успел добежать до здания с первой группой, а они чуть-чуть задержались. Тут раздался взрыв, и возле нас, и там. Возвращались мы так же, как и шли <...> то, что мы там увидели, ни в одном фильме ужасов не увидишь. Место гибели группы было сплошным месивом из грязи, крови и останков человеческих конечностей. В тот момент А.З. и Сергей были вместе, готовились к броску через площадь, но оказались в эпицентре взрыва. Даже их оружие расплавилось. Когда останки выгрузили у консервного завода, мы узнали всех, кроме трех тел. Не было А.З., ТУМАЕВА и Е.В. — не хватало двух, и один не поддавался опознанию.

Солдаты опознали обгоревшее тело:

<...> это были останки Сергея. Тело было полностью обгоревшим, за исключением маленького клочка на спине. В обгоревших остатках одежды мы нашли кусок свитера, который был на Сергее. <...> У Сергея один из верхних зубов ровно отколол наполовину. Вот на этот самый зуб я обратил внимание на обгоревшем черепе.

Но медик наш, узнав об этом, начал кричать, что его отвезли в госпиталь, что он лично видел и записал фамилию.

Только год спустя командир части сообщил родителям²³, что в список раненых ТУМАЕВА внесли по ошибке — с медицинской карты рядового ТУЛИЕВА.

<...> Карты были заполнены наспех и неразборчивым почерком <...> мы, конечно, рады были, что "ошиблись", а так как Серега в госпитале, получалось, что не хватает только Е.В. Мы и написали его фамилию на бирке.

Возможности исправить ошибку не было — медицинские карты, фотографии и описание примет пропавших спецназовцев в 124-ю СМЛ не выслали. Тело Сергея было отправлено родителям Е.В. и 14 января там погребено.

Вскоре матери А.З. привезли из Ростова тело, которое она не опознала, его отправили обратно. 3 февраля 1995 г. все же состоялась символические похороны — гроб был пустым.

Родителям ТУМАЕВА сообщили, что сын направлен в госпиталь. Ни в госпиталях, ни — позже — в плену найти его не удалось. Отец Сергея вернулся домой после нескольких месяцев безрезультатных поисков и вскоре умер от рака.

Продолжившая поиски мать не нашла сына в 124-й СМЛ, но опознала там тело старшего лейтенанта А.АВРАМЕНКО, также пропавшего без вести при штурме Совмина. Его посмертная судьба почти совпадает с судьбой ТУМАЕВА: жене сообщили, что АВРАМЕНКО направлен в госпиталь²⁴.

Хотя и ТУМАЕВА и А.З. Министерство обороны занесло в список без вести пропавших, в части обоих признали погибшими, представили посмертно к наградам, а их портреты в траурных рамках поместили в музей боевой славы.

Только весной 1996 г. матери ТУМАЕВА удалось собрать приведенные выше свидетельства сослуживцев Сергея, а 5 августа ее сын был по решению суда признан погибшим.

Тело ТУМАЕВА, покоящееся в могиле Е.В., до сих пор не эксгумировано. В опубликованных в "Красной звезде" списках погибших его имя не значится.

БУДКИН Алексей Евгеньевич

Младший сержант 21-й Софринской бригады оперативного назначения ВВ МВД РФ БУДКИН погиб 7 апреля 1995 г. в селе Самашки ²⁵.

Отцу Алексея, Евгению Владимировичу БУДКИНУ отправили телеграмму о смерти сына, в которой, в частности, говорилось: "О доставке тела сообщим". Тело доставлено не было ни по месту жительства, ни по месту постоянной дислокации части. В пункте приема и опознания погибших во Владикавказе Евгению Владимировичу предъявили два тела, ни в одном из которых он не опознал Алексея. То же подтвердила и экспертиза. Тела были отправлены в Ростов и зарегистрированы там под номерами 299 и 300. Евгений Владимирович предположил, что тело его сына было отправлено родителям одного из этих двух неопознанных.

Вот картина, восстановленная отцом ²⁶:

Со слов заместителя командира части полковника В.ТАЦИТОВА, "примерно в 19:00 <...> БУДКИН получил сквозное ранение головы, несовместимое с жизнью <...> Примерно в 20:40 тело БУДКИНА было доставлено на командный пункт, где было осмотрено врачом, и был зафиксирован факт смерти".

Писарь части, оформлявший убитых к отправке, рассказал, что самолично снял с мертвого Алеши бронезилет и взял его военный билет, положив взамен в карман записку с указанием фамилии и прочих данных.

Отец продолжил свое расследование:

<...> разыскал солдата ЧЕЧУЛИНА, который доставил тело на своем БТРе от поселка до железной дороги, и прапорщика МУХИНА, принявшего от ЧЕЧУЛИНА тело и доставившего его опять-таки на БТРе к вертолетной площадке. Вертолет с "грузом 200" уже улетел <...> Привезли новых убитых, и два солдата охраняли их и Лешу до утра. И с ними отец тоже встретился <...> они подтвердили — <...> его и других грузили в вертолет, но отправили без сопровождающих лиц, знавших погибших.

Тело было доставлено на ППОП во Владикавказ. По словам автора цитируемой статьи Ларисы АЛИМАМЕДОВОЙ,

многие погибшие доставляются в пункт приема и опознания без единого документа, а нередко и без сопровождающих лиц, лично знающих их. Военные билеты у них изымаются перед отправкой, а взамен кладут в карман, суют в сапог или еще куда-то записочку с данными. Все зависит от того, сохранится или потеряется эта бумажка. По прибытии на место каждого перед анатомированием раздевают, бросая окровавленную одежду в общую кучу, а к ноге или к руке привязывают бирку с номером. Записку обнаруживают не всегда. Случается, она выпадает потом из сапога или кармана, но одежда к тому времени уже в общей куче <...> В сомнительных случаях для опознания приезжают <...> сослуживцы, но порой приехавший из части офицер не знает погибшего в лицо. Что же касается записей в так называемой "рабочей тетради", то в ней такая неразбериха, столько зачеркнутого, исправленного, написанного наспех и неразборчиво, что и сами-то "писаря" подчас прочесть не могут.

Евгений Владимирович так и не сумел найти тело своего сына, но сузил круг поиска до 17 погибших, с телами которых могли перепутать тело его сына.

По фотографии удалось опознать "тело номер 299":

Рядовой Алексей ЧЕЛПАНОВ, будучи раненым, был отправлен во Владикавказский госпиталь, где и скончался, не приходя в сознание. Тело его из приемного покоя <...> было перенесено в пункт приема и опознания погибших — всего за сто метров <...> А так как при нем не было никаких документов, он и стал безымянным "телом номер 299".

"Тело номер 300" не опознано до сих пор. Хотя всего под Самашками 7–8 апреля 1995 г. погибли, по разным источникам, до 16 военнослужащих и сотрудников МВД ²⁷, это не единственные перепутанные там тела.

* * *

Отметим, что причины, по которым погибшие солдаты становились "пропавшими без вести", всегда одни — бюрократические. Хотя в первом случае из Грозного были одновременно вывезены сотни трудноопознаваемых тел военнослужащих разных частей, погибших в разное время, во втором — три тела, из которых останки двух были непригодны для визуального опознания, а одно можно было опознать по особым приметам, а в третьем все тела для визуального опознания были пригодны, все были опознаны и снабжены сопроводительными записками, но в каждом из этих случаев методика регистрации была такова, что "ошибка писаря" становилась неустранимой.

То обстоятельство, что значительное число тел, пригодных для визуального опознания, длительное время находится в 124-й СМЛ, но до настоящего времени не опознаны, в сочетании с приведенными фактами позволяет предположить: под их именами УЖЕ ПОХОРОНЕННЫ другие тела, и родственники прекратили поиск. "Ошибки" эти, как видим, обнаруживаются регулярно, но, как правило, только родственниками.

Структуры, занимающиеся поиском и опознанием тел погибших, не могут исправить эти ошибки, так как лишены возможности по отдельным эпизодам сопоставлять сведения, во-первых, о неопознанных телах, во-вторых, об обстоятельствах исчезновения "пропавших без вести" и, в-третьих, о погибших, опознанных и похороненных ²⁸.

Почти два года невозможно было даже простое сопоставление сведений о без вести пропавших с "секретным" общим списком погибших. Теперь же оно малоэффективно из-за накопившихся за это время ошибок в обоих списках.

Несмотря на то что по эпизодам, в результате которых военнослужащие оказались "пропавшими без вести", военными дознавателями проводился опрос оставшихся в живых участников этих эпизодов (полнота и достоверность полученной информации — отдельный вопрос, который мы здесь не рассматриваем), эта работа имела практически единственный результат: признание исчезнувших солдат "пропавшими без вести". Полученные в ходе опроса сведения оставались в окружающих структурах военной юстиции, то есть массив этот децентрализован и у офицеров, непосредственно занятых поисками, нет возможности быстрого доступа к нему.

Во всей этой неразберихе встречаются и ошибки иного рода.

Непригодное для визуального опознания тело, поступившее в 124-ю СМЛ в декабре 1995 г. из-под Гудермеса и зарегистрированное под номером 384, 2 марта 1996 г. было идентифицировано как труп рядового в/ч 3673 МАЛИНИНА Юрия Витальевича и отправлено его родителям. МАЛИНИН, между тем, не погиб под Гудермесом, а попал в плен и содержался в селе Зандак. 23 апреля 1996 г. он был передан отцу ²⁹.

* * *

Хотя солдаты на чеченской войне уже не гибнут, а список погибших опубликован, его нельзя считать закрытым. Он будет пополнен: сотни неопознанных тел лежат в Ростовской лаборатории, покоятся в безымянных могилах на территории Чечни, сотни погибших солдат числятся пропавшими без вести.

2. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ И ПЛЕННЫЕ

Почти все сказанное выше о списках погибших может быть повторено и в отношении списков пленных и пропавших без вести. Ведомственные списки 1 обычно содержали только воинское звание, фамилию, имя, отчество, иногда — номер воинской части и лишь в отдельных случаях — дополнительные сведения и ссылки на источник. В результате для большинства включенных в списки военнослужащих невозможно дать ссылку на последнее или вообще на какое-либо достоверное свидетельство о его нахождении в плену. Списки, как правило, составлялись ведомствами на базе более ранних списков — своих и чужих (полученных от других ведомств и общественных организаций). Фамилии переходили из списка в список, а новых, более точных первичных сведений об отдельных военнослужащих практически не собиралось. Полнота довела над достоверностью; сведения сомнительные либо ошибочные, исключаемые из одних списков, вновь поступали из других. Стремление к "полноте" списков за счет "дублей" и персоналий, переведенных в другие категории (опознанных, освобожденных), сохранялось до лета 1996 г. При этом многие пленные длительное время не были включены ни в какие списки.

В ходе работы по проекту "Поиск" ПЦ "Мемориал" мы могли сопоставить (и регулярно сопоставляли) списки различного происхождения с собственной базой данных 2. База позволяет на каждого вести "карточку", включающую не только фамилию, имя, отчество, сведения о категории (погиб, без вести, плен, освобожден), но и основные сведения 3, и сохранять ссылки на категорию и на источники сведений о персоналии. База является аналогом картотеки и, кроме того, дает возможность делать выборки по источникам и категориям. Это позволяет, во-первых, выявить дублирование персоналий в разных категориях, во-вторых, отслеживать всю цепочку упоминаний о человеке и, в-третьих, если выясняется ошибка в каких-то сведениях, установить источник ошибки и исправить ее. В настоящее время в базе содержится сведения более чем о 7000 военнослужащих (погибших, пропавших без вести, пленных, освобожденных), полученные более чем из 60 источников 4. Наиболее крупными источниками были опять-таки ведомственные списки, но организация базы позволяла сопоставлять их — как между собой, так и с первичными источниками информации 5.

Не вдаваясь в подробное описание эволюции ведомственных списков, отметим, что регулярное сопоставление их с базой данных позволило выделить следующие характерные особенности.

Во-первых, любые ведомственные списки быстро устаревают, но не изымаются из обращения. Как правило, параллельно существует много версий одного и того же списка 6, которые с опозданием поступают в другие структуры 7, где ими используются.

Во-вторых, ведомственные списки являются вторичным источником информации, для них характерно многократное повторное включение информации из предыдущих версий списков, своих и чужих, их дублирование и воспроизведение.

В-третьих, отсутствие процедуры постоянной сверки и сопоставления имеющихся сведений привело к значительным расхождениям между списками различных ведомств. Сравнение списков пропавших без вести, представленных весной 1996 г. в Комиссию Государственной думы Комиссией по пленным при Президенте РФ 8 и Генштабом, показывает, что около 150 человек из первого списка отсутствовали во втором и, наоборот, около 150 человек из второго — в первом. В настоящее время подобные расхождения сохраняются. Правда, в меньшей степени: на середину октября между штабом СКВО и штабом Объединенной группировки в Грозном они составляли около 50 человек в каждую сторону.

Но даже если ошибки в ведомственных списках пропавших без вести и пленных будут исправлены, без дополнительных сведений невозможно отнестись к каждому включенному в него военнослужащему к категории "пропавший без вести", "пленный", "самовольно оставивший часть". Попробуем оценить достоверность некоторых из первичных сведений и источников, из которых в эти списки попадает "новая" информация.

Рассмотрим с этой точки зрения некоторые из материалов, ставших доступными в последнее время и содержащих сведения о пленных, собиравшиеся российскими спецслужбами.

Мы не специалисты, и мы не можем оценивать по ведомственным критериям добытые контрразведкой сведения о местонахождении пленных; мы не можем оценить качество этой работы даже относительно, так как не знакомы со сводками по другим темам. Но мы с уверенностью можем сказать, что этих сведений было совершенно недостаточно для получения ощутимого результата в деле освобождения пленных, а "анализ" собранной информации был до такой степени неудовлетворителен, что лучше бы его вовсе не было.

Среди материалов, ставших доступными после августовского штурма Грозного и оставления российскими силовыми структурами и спецслужбами ряда зданий, имеется подготовленная 29 июля 1995 г. сотрудниками ФСБ "Справка о местонахождении российских военнослужащих, попавших в плен к НВФ" 9. При первом прочтении этого документа кажется, что Управление военной контрразведки внимательно следило за перемещением как групп, так и отдельных пленных. Справка содержит обширный фактологический и аналитический материал. Заслуживают подробного рассмотрения оба эти аспекта.

Составлявшие "Справку" аналитики ограничиваются первым действием арифметики — сложением. Как следует из текста, ОГ 10 ФСБ РФ была в курсе того, что пленные не содержатся постоянно на одном месте, а передислоцируются между населенными пунктами. Употребленные в справке словосочетания "сосредоточение всех военнопленных в районе н.п. ЗАНДАК и ИТУМ-КАЛЕ", "с н.п. СЕРЖЕНЬ-ЮРТ в ВЕДЕНО стали поступать пленные", "военнопленные переводятся из н.п. ВЕДЕНО в УРУС-МАРТАН" позволяют предположить, что одни и те же пленные могли быть учтены несколько раз в разных селах. Однако в аналитической части документа все они просто суммируются, что и дало в итоге число "342". Нулевая ценность подобного "анализа" очевидна.

Фактология "Справки" небогата, но интересна. В документе поименованы трое пленных, двое из которых — офицеры, что естественно: их старались освободить в первую очередь. Однократно упомянутый пленный подполковник СЕРЕГИН был вскоре освобожден 11, второй же упоминается неоднократно:

ВЕДЕНО <...> апреле-мае <...> "майор" <...> представлялся десантником, имя — Славик.

В конце мая <...> в ВЕДЕНО <...> майор ДМИТРИЕНКО Александр Васильевич.

<...> наиболее ценные <...> военнопленные переводятся <...> в УРУС-МАРТАН. В их числе находится майор ДМИТРИЕНКО Александр Васильевич, который представляется десантником.

[В ВЕДЕНО] среди военнопленных находится майор ДМИТРИЕНКО Александр Васильевич (21.07.95 года).

[Тогда же] в ОГ ФСБ РФ поступила информация в отношении майора ДМИТРИЕНКО Александра Васильевича, который находится в плену у НВФ. Попытка обменять ДМИТРИЕНКО А.В. не увенчалась успехом. Матери ДМИТРИЕНКО, которая приезжала за ним в ВЕДЕНО, его также не отдала.

УРУС-МАРТАН <...> среди военнопленных может находиться майор ДМИТРИЧЕНКО Александр Васильевич (информация от 21 июля 1995 г.).

Право же, в этих скупых словах видится огромная кропотливая работа чекистов, шаг за шагом восстанавливающих нелегкий путь офицера в плену. Освобождение его кажется делом ближайшего будущего. Есть, правда, одно несоответствие: он почему-то Славик, и одна опечатка в последней фразе: ДМИТРИЧЕНКО.

Однако человек, о котором говорится в "Справке", никогда не будет освобожден — потому что никогда не существовал.

Майор ДМИТРИЧЕНКО Вячеслав Вячеславович 12, упомянутый в "Справке", составленной 29 июля 1995 г., еще 6 апреля 1995 г. был освобожден, а 8 апреля показан по телевидению:

<...> подразделения ФСК не прекращают усилий по организации вызволения российских солдат и офицеров из чеченского плена.

На днях был обменен вот этот офицер-десантник, пробывший у дудаевцев более двух месяцев. Только с третьей попытки, когда взамен был предложен сам брат Джахара ДУДАЕВА, Вячеслава ДМИТРИЧЕНКО удалось вернуть на родину. Вместе с контрразведчиками о сыне хлопотала и его мать 13.

Доля судьбы Вячеслава ДМИТРИЧЕНКО смешалась в цитированном документе с судьбами двух уральских солдат — погибшего ДМИТРИЕНКО А.А. и числившегося в первые месяцы 1995 г. пропавшим без вести ДМИТРИЕНКО А.В. 14 Ошибка писаря-особиста соединила их судьбы, и много месяцев после освобождения майора ДМИТРИЧЕНКО его двойник "майор ДМИТРИЕНКО Александр Васильевич" жил в отчетах контрразведки — продолжал представляться десантником, этапировался вместе с группами пленных по всей Чечне, был почти что обменен — и каждым своим действием свидетельствовал о неустанной чекистской работе... А "Ст. референт Информационно-аналитического отделения", подписавший "Справку", достойно воплотил в жизнь традиции великой русской литературы и встал в один ряд с тыняновским писарем, явившим на

свет поручика КИЖЕ. То, что мы видим в "Справке" — имитация кипучей деятельности человеком, знающим, какого отчета о результатах работы от него ждут.

В аналогичном "Списке насильственно удерживаемых лиц на территории Чеченской Республики" на 1 июля следующего, 1996 г. те же методические ошибки повторены и даже усугублены. В нем приведены сведения о числе (иногда — списки) пленников, содержащихся в различных населенных пунктах Чечни, а в конце суммированием получено: "Итого: содержатся в качестве насильственно удерживаемых лиц более 950 чел.". У "аналитика" было больше, чем в прошлом году, возможностей понять, что речь в основном идет об одних и тех же пленниках, этапированных между селами. Приведенные в справке списки во многом повторяют друг друга. Так, указано, что в двух разных местах содержания одновременно находятся пленные ДУРНЕВ, ГОНТАРЬ, ВЫХОВАНЕЦ. Одновременно сидящим в двух местах оказывается Р.С.КЛОЧКОВ: "в СИЗО ДГБ Ачхой-Мартановского р-на" и "в н.п.ШАТОЙ". К.Л.ЛИМОНОВ — в трех (еще и "в с.САМАШКИ"). Но в пределах одного списка СИЗО ДГБ ЛИМОНОВ указан дважды, а КЛОЧКОВ — трижды.

* * *

С выводом войск из Чечни и утратой контроля за населенными пунктами резко сократились возможности для развертывания и поддержания там агентурной сети. Хотя следует отметить, что и в предыдущие двадцать месяцев — с декабря 1994 г. по август 1996 г. — основным источником информации была не агентурная работа, а опросы освобожденных, сообщения родителей пленников военнослужащих, искавших своих детей по Чечне, свидетельства родственников задержанных или пропавших без вести чеченцев. Для подтверждения последнего приведем рассказ Мадны МАГОМАДОВОЙ 15:

Мне сказали 16: "Да, твой брат 17 жив, мы обменяем — найди солдата".

Нашла я солдата — прошла все эти горы, села, идет война, под обстрелом я искала солдата — нашла, принесла фотографию 18.

Мне говорят: "Солдат — дезертир, не подлежит обмену — он же воюет на стороне дудаевцев".

Я говорю: "Неправда, товарищ офицер, он не воюет, он сидит в плену".

А мне говорят: "Нет, он воюет".

"А что мне делать?"

"Иди, ищи офицера".

Дали целый список офицеров. Пошла я искать опять по этим селам, по горам, под обстрелом, нашла офицера, принесла фотографию офицера 19.

Пока я не нашла этого офицера, его искали все. А как только я его нашла, он никому не стал нужен. Ни офицер, ни солдат. Мне говорят: извините, товарищ МАГОМАДОВА, вашего брата отсюда увезли, а там, где он должен быть, его еще не привезли. Мы его не можем найти.

После этого МАГОМАДОВА вновь договорилась с чеченцами об обмене — на этот раз на прапорщика ФСБ ЩЕРБАКОВА Сергея Ивановича. И вновь с федеральной стороны последовал отказ 20.

Шамса МАГОМАДОВ до сих пор не освобожден, и о его местонахождении ничего неизвестно — в том числе в Группе розыска и в представительстве Президента РФ в Чечне 21. Очевидно, Мадину МАГОМАДОВУ использовали как источник сведений о пленниках, сделав ее брата-заложника предметом шантажа.

Рассказ МАГОМАДОВОЙ — не исключение: заложничество широко применялось федеральными силами в Чечне для добывания сведений о пленниках. Цитированная выше "Справка" 1995 г. содержит ссылки на информацию, полученную у родственников задержанных:

25 июля с.г. на встрече с двумя гражданскими лицами, заинтересованными в обмене своих людей на российских военнопленных, было выяснено, что в последнее время они занимались поисками российских военнопленных, которых можно было бы обменять.

Далее идет изложение информации, добытой родственниками в ходе поисков. Неудивительно, что сведения, полученные таким образом, очень часто были недостоверными, но, тем не менее, желаемыми. И сообщение о майоре ("представлялся десантником, имя — Славик") вряд ли было выдуманно референтом, — оно могло перекочевать в "Справку" из внешне достоверных источников — как от частных лиц, занимавшихся поисками родственников, так и из материалов допросов "с пристрастием", проводившихся в фильтрационных пунктах 22. Не говоря уже о том, что с точки зрения морали и закона подобные "методы" недопустимы, отметим: показания, данные под психологическим либо физическим давлением, могут быть просто недостоверны. Часто подследственный, угадывая желания следователя, отвечает обильно и "правдоподобно" 23.

* * *

Важным источником сведений о содержащихся в плену на всем протяжении войны были опросы освобожденных из плена.

В списках Комиссии по пленным при Президенте со ссылкой на ФСБ против некоторых фамилий стояли пометы "пленный" и "заложник". Так, БЕЗУСЬКО Татьяна Сергеевна, матери пропавшего без вести рядового 131 омсбр БЕЗУСЬКО Георгия Викторовича, искавшей весной 1995 г. в Моздоке сведения о своем сыне, офицер ФСБ разъяснил, что помета "пленный" ставится, если о нахождении этого военнослужащего в плену сообщил при опросе один освобожденный из плена. Если появляется второе свидетельство, ставится помета "заложник". Иного отражения в используемых при розыске материалах полученные при опросах сведения, по его словам, не имели 24.

В настоящее время материалы, полученные сотрудниками ФСБ при опросе освобожденных из плена военнослужащих и гражданских заложников в расположении Объединенной группировки на Ханкале, доступны офицерам Группы розыска штаба группировки. Объем их невелик (несколько сот листов), но они не систематизированы и для практического использования малоприспособлены. Во-первых, полученные от освобожденных из плена военнослужащих сведения о содержащихся в плену лицах не выделены и не помещены в персональные розыскные дела, по которым можно было бы вести поиск конкретного пленного или целевой сбор сведений о нем. Во-вторых, не выделены (и нет возможности быстро выделить) сведения об отдельных эпизодах (по месту и по времени) для уточнения и перепроверки новых показаний.

Можно было бы предположить наличие более объемного и более упорядоченного массива сведений, не переданных военным, но имеющихся непосредственно в структурах ФСБ, если бы не грубые ошибки в именах собственных (топонимах, фамилиях — как пленников, так и чеченских командиров), свидетельствующие о том, что допросы не строились на уже имеющейся системе личных дел и, скорее всего, представляли собой свободный рассказ бывшего пленного, записанный малоознакомым с предметом и не очень грамотным чиновником.

Даже сведения о пленниках, восемь месяцев содержавшихся в селе Чири-Юрт, с которыми в преддверии так и несостоявшегося обмена офицеры Группы розыска регулярно общались, в списках Группы розыска (и, видимо, вследствие этого — и в списках Генерального штаба) оказались искажены. Так, вместо сидевшего в Чири-Юрте с августа 1995 г. по март 1996 г. рядового 503-го мсп КОЛЫБЕЛКИНА Павла Валентиновича в списках вплоть до освобождения значился его отец, КОЛЫБЕЛКИН Валентин Митрофанович, который, правда, почти все это время находился вместе с сыном.

* * *

Приходится констатировать, что на сегодняшний день российская сторона не обладает полной информацией о разыскиваемых военнослужащих. Не создана система, которая бы позволяла контролировать ситуацию с насильственно удерживаемыми военнослужащими. Четко не определены категории — "пленные", "пропавшие без вести", "самовольно оставившие часть". Так, о реальном положении последних командование осведомлено 25, однако их по-прежнему ищут и освобождают в последнюю очередь.

Практически отсутствуют сведения о предполагаемых местах содержания пленников. Они определены лишь для очень немногих лиц. В итоге Группа розыска вынуждена ограничить свою деятельность в основном эксгумацией найденных захоронений погибших военнослужащих.

Как видим, судьба пленников пишется той же рукой, что уже лишила погибших собственных могил.

3. ПЛЕННЫЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Рассмотрим вкратце применимые в чеченском конфликте положения международного гуманитарного права, формально действовавшие официальные акты ЧРИ, регламентировавшие положение пленных, и практику двух последних лет.

Захваченные чеченской стороной и насильственно удерживаемые российские военнослужащие могут рассматриваться как военнопленные, а условия их содержания — трактоваться с применением положений международного гуманитарного права лишь в случае, если происходящее в Чечне в последние два года будет признано вооруженным конфликтом — международным либо немеждународным. В последнем случае чеченская сторона в конфликте, определяемая как "повстанческая", формально не принадлежит к числу Высоких договаривающихся сторон, ратифицировавших Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним, но для нее, тем не менее, остается обязательным выполнение требований Статьи 3 (общей для всех конвенций). Эта статья защищает лиц, которые непосредственно не принимали участие в военных действиях (гражданское население), и тех из состава военнослужащих обеих сторон, кто сложил оружие или перестал принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине. В их отношении всегда и всюду запрещаются:

- a) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийств, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;
- b) взятие заложников; <...>
- d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.

Эти положения имеют обязательный характер не только в качестве нормы международного договорного права, но и как выражение общих (неписаных) принципов права, как безусловно обязательный закон — *Jus cogens* 1. Однако федеральное руководство последовательно выводило происходящее в Чечне из контекста международного гуманитарного права, пытаясь представить войну как операцию по "разоружению бандформирований", как борьбу с массовыми беспорядками и спорадическим насилием, т.е. как сугубо внутреннее дело России.

Хотя в ходе боевых действий в ноябре-декабре 1994 г. и, особенно, в январе 1995 г. чеченской стороной было пленено более 200 российских военнослужащих, федеральная сторона, во-первых, избегала самого понятия "военнопленные" (ибо это не соответствовало принятой позиции) и предпочитала термин "заложники", а во-вторых, отказывалась от ведения каких-либо переговоров с чеченской стороной об освобождении пленных и вывозе тел погибших.

Чеченская же сторона, последовательно рассматривая конфликт 1994–1996 гг. как международный, с самого его начала официально признавала захваченных российских военнослужащих пленными и заявила о принятии на себя соответствующих обязательств.

14 декабря 1994 г. Парламент ЧРИ принял регламентирующий положение военнопленных документ 2:

ПОЛОЖЕНИЕ "Об обращении с военнопленными"

1. Пленные.

1. В соответствии с "Законом об обороне" Чеченской Республики Ичкерия и международными нормами права, регулирующими правила ведения войны, во время ведения боевых действий и военных операций в плен могут быть захвачены личный состав вооруженных сил противной стороны, личный состав ополчения и добровольческих отрядов, воевавших на стороне противника, наемники, лица из состава вооруженных сил противника, не принимавшие непосредственного участия в военных операциях, но находящиеся у них на службе и открыто носящие оружие и соблюдающие законы и обычаи ведения войны, врачи, юристы, различный обслуживающий персонал, лица, находящиеся на спецслужбах, в том числе и журналисты (некомбатанты).
2. Задержания, аресты, лишения свободы, права передвижения, совершенные не на основании закона, захват в заложники или другие действия, попирающие личные права и интересы мирных граждан, караются законом.
3. Миссионеры, парламентарии, другие лица противника, наделенные правом неприкосновенности, не могут быть пленены.

2. Места и условия содержания военнопленных.

4. Военнопленные должны содержаться в специальных лагерях, соответствующих международным стандартам.
5. Военнопленные должны быть обеспечены условиями, приближенными к условиям, которыми пользуются вооруженные силы противника.
6. Запрещается насильно использовать военнопленных, за исключением офицеров, в военных действиях.

3. Права военнопленных.

7. Военнопленные пользуются правом переписки с семьей, получения посылок с продуктами питания и одеждой.
8. Военнопленные могут обращаться к военным властям содержащей их стороны.
9. Военнопленные могут из своей среды избрать доверенных лиц, которые представляют их интересы перед военным руководством содержащей их стороны.

4. Обязанности военнопленных.

10. Военнопленные подчиняются законам и приказам, действующим в вооруженных силах содержащей их стороны, и подчиняются режиму лагеря.
11. Военнопленные могут быть привлечены к работам, не связанным с военными действиями.

5. Ответственность военнопленных.

12. За совершенные проступки военнопленных могут судить только военные трибуналы. Исключается наказание коллектива за индивидуальные проступки.
13. Военный трибунал и военное руководство при определении наказания военнопленным за совершенный побег и другие проступки руководствуются мерами, определенными международными нормами, а также местными законами.
13. 3 Военнопленные освобождаются и репатрируются после окончания военных действий.
14. Норма пункта 13 не распространяется на лиц, которые привлекаются к уголовной ответственности или осуждены.
15. Для концентрации всех сведений о военнопленных предусматривается создание центрального справочного бюро.

Хотя во всей своей полноте этот документ никогда не применялся 4 (а нарушался систематически), да и вряд ли был хоть раз внимательно прочитан (см. параграфы 13), он показывает стремление властей ЧРИ формально признавать нормы международного права, в данном вопросе — нормы международного гуманитарного права.

* * *

Условия содержания пленников чеченской стороной в начале войны были удовлетворительны. Война еще не ожесточила бойцов, а централизация групп пленников при штабах чеченских отрядов позволяла контролировать охрану и избегать эксцессов. Контраст в отношении федералов и чеченцев к российским пленным умело использовался чеченской стороной для пропагандистского воздействия на российскую общественность — через прессу и депутатов — при невозможности влиять на федеральную власть напрямую. Это только улучшало положение пленников: их регулярно демонстрировали журналистам, матерям, а некоторых освобождали в одностороннем порядке.

Во второй половине января 1995 г. начались обмены пленников российских военнослужащих с содержащихся в фильтрационных пунктах чеченцев (всего к началу лета было обменено около 150 человек). Так как наличие вооруженного конфликта не признавалось федеральной стороной, сам процесс обмена был нелегален, т.е. проходил вне рамок как российских законов, так и международного гуманитарного права, в контексте которого на тот момент все еще старалась действовать чеченская сторона. Пленные последовательно объявлялись федеральной стороной заложниками бандитов, и их обменивали или выкупали именно как заложников — тем самым искусственно создавался "рынок невольников". С появлением возможности обмена практически прекратились односторонние освобождения. Ухудшились условия содержания российских пленников 5. Кроме того, с переносом боевых действий из Грозного в сельскую местность и в горные районы терялся централизованный контроль за их содержанием, резко сократилось их общение с прессой и матерями.

В этот период начальником ГШ ВС ЧРИ А.МАСХАДОВЫМ в соответствии с изменившейся обстановкой был издан приказ, регламентировавший децентрализованное содержание пленников в отрядах.

В мае-июне 1995 г., в период наиболее жестоких боев, имели место объявления пленников заложниками и расстрелы 6.

30 июля 1995 г. по итогам переговоров под эгидой ОБСЕ были подписаны соглашения по блоку военных вопросов, предусматривавшие освобождение пленников и насильственно удерживаемых лиц, образование в рамках Специальной наблюдательной комиссии Рабочей группы по их поиску. Это давало реальную возможность перевести процесс освобождения в легальное русло. Еще одной предпосылкой к этому стало решение Конституционного суда, признавшего происходящее в Чечне вооруженным конфликтом немеждународного характера, к которому применимы положения Второго дополнительного протокола к Женевским конвенциям. Возможность эта использована не была — прежде всего из-за нежелания и неготовности федеральной стороны, которая не рассматривала переговоры как путь решения чеченской проблемы.

Достигнутое в ходе мирных переговоров в июне-июле 1995 г. соглашение об обмене "всех на всех" требовало предварительного сосредоточения пленников, общее число которых измерялось сотнями 7. В августе сопредседатель Рабочей группы с чеченской стороны И.МАДАЕВ, получив соответствующие полномочия от ГШ ВС ЧРИ, начал сосредоточение пленников в селе Чири-Юрт. Условия содержания в этом лагере были удовлетворительны, его часто посещали журналисты, а ко многим пленным приехали родители. Однако утрата централизованного контроля за содержанием пленников в отрядах привела к тому, что сконцентрировать удалось менее трех десятков пленников, среди которых не было ни одного офицера. Обменяны были единицы. Остальные (многие из них находились в плену с новогоднего штурма) содержались в горах, в отрядах, в селах. Если бы Рабочая группа немедленно начала обмены, эти люди могли бы остаться в живых 8.

Попытка проведения в декабре 1995 г. федеральной стороной "выборов", которые, по замыслу устроителей, должны были вывести руководство ЧРИ из политического процесса в республике, привела к возобновлению боевых действий и к массовому захвату гражданских заложников 9.

В январе 1996 г., чтобы исключить торговлю людьми и нелегальные обмены, ДУДАЕВ издал регламентирующие документы, в соответствии с которыми сосредоточить пленников надлежало полковому командиру УСМАНУ, назначенному начальником Департамента исполнения наказаний ЧРИ. Его усилиями несколько групп пленников и гражданских заложников в Западной Чечне были сконцентрированы в СИЗО ДГБ ЧРИ. Как гражданские лица, так и некоторые военные обвинялись в сотрудничестве с ФСБ 10, и на допросах от них требовали соответствующих признаний 11. Находившиеся под централизованным контролем заключенные были разделены на несколько групп, использовавшихся на строительстве укреплений в западных районах Чечни.

С усилением натиска федеральных войск 15 марта 1996 г. лагерь был эвакуирован из села Старый Ачхой в горы. Пленные гибли при бомбардировках и артиллерийских обстрелах федеральными войсками. Это вынуждало часто перемещать лагерь — всего он сменил 17 мест дислокации. К тому же условия содержания резко ухудшились после того, как сменился начальник лагеря. Этапы, плохое питание, отвратительные бытовые условия, принудительный труд, избиения и издевательства привели к физическому истощению пленников, к высокой смертности среди них. Возможно, этот "лагерь военнопленных" превзошел жестокостью российские "фильтрационные пункты": в СИЗО ДГБ умерли от голода или были казнены после неудачного побега несколько десятков заключенных. Всего там погибли до трети узников 12.

9 мая 1996 г. лагерь был подчинен начальнику Особого отдела ДГБ ЧРИ Мовлади РАИСОВУ. Условия содержания и питание улучшились. После прекращения боевых действий, артиллерийской и авиационной "охоты" за лагерем он был переведен на равнину (что положительно повлияло на условия содержания пленников) и частично рассредоточен 13. Началось освобождение пленников 14.

* * *

Хотя тактика федеральных сил в ходе "второй войны" в Грозном (6–21 августа 1996 г.) мало отличалась от "первой войны" (новогоднего 1994/95 гг. штурма) и сводилась к введению в город бронеколонн, которые расстреливались мобильными легковооруженными чеченскими отрядами 15, последние бои не сопровождались массовым пленением российских военнослужащих.

Чеченским бойцам перед началом штурма командование разъяснило требования гуманного отношения к захваченным в плен. Но бойцы сделали из этого вывод, что пленные скуют действия захватившей их группы, и в первые десять дней ожесточенных боев пленников, как правило, не брали 16. Все пленные, с которыми представители ПЦ "Мемориал" О.ОРЛОВ и А.ЧЕРКАСОВ встречались в Грозном 19–21 августа, были взяты после окончания подвижных боев и стабилизации позиций сторон, а не в ходе боя. Приведем несколько примеров.

Двое рядовых контрактной службы из 276-го мсп 15 августа (на десятый день боев!) пьяными пошли на базар за водкой и там стали приставать к женщинам. Возмущенные мирные жители разоружили их, избили и сдали дислоцировавшемуся неподалеку чеченскому отряду.

Двое рядовых срочной службы из 101-й обрн ВВ МВД на двенадцатый день после начала боев покинули блок-пост, отрезанный от подвоза боеприпасов, продовольствия и воды, и были задержаны чеченским отрядом.

Условия содержания пленников в отрядах, действовавших под командованием Ш.БАСАЕВА и Р.АЛИХАДЖИЕВА, были нормальными — пленные содержались при штабах, питались из общего с бойцами котла; с ними удалось поговорить, в том числе и наедине; им было разрешено написать записки родственникам домой 17.

Наиболее крупная группа из 16 пленников, захваченная в центре Грозного отрядом АДАМА БЕЙБУЛАТОВА (по прозвищу ПИРАТ), также содержалась в удовлетворительных условиях в период нахождения в отряде (в городе и в горах), но подверглась затем пыткам и жестокому обращению в Шали. По словам пленников, БЕЙБУЛАТОВ, вернувшись в село, пресек эксцессы и наказал виновных 18. Вся группа была освобождена после 16 суток плена.

Таким образом, последняя вспышка боевых действий в августе 1996 г. серьезно не повлияла ни на общее число пленников, ни на условия их содержания.

* * *

Прекращение боевых действий и подписание Хасавюртовских мирных соглашений, предусматривавших, в частности, обмен насильственно удерживаемыми лицами по принципу "всех на всех", не привело к освобождению "всех" военнослужащих. Освобождены были частично военнослужащие, захваченные в последних боях и находившиеся в отрядах, и все содержащиеся в СИЗО ДГБ, после чего он был расформирован.

Между тем на 13 октября 1996 г. числились пленными, пропавшими без вести либо самовольно оставившими часть 1231 военнослужащих. Подавляющее большинство находящихся в плену на территории Чечни содержатся в отрядах, в структурах ДГБ, в селах, в семьях.

В период, когда шли боевые действия, функционировали блок-посты и фильтрапункты, пленные удерживались в отрядах для обмена на случай возможного задержания кого-то из бойцов. В настоящее время они содержатся для "целевого" обмена на пропавших без вести и задержанных в ходе войны.

В октябре 1996 г. на территории Центральной объединенной комендатуры один из чеченских бойцов сообщил О.ТРУСЕВИЧ, А.ЧЕРКАСОВУ и представителю Группы розыска подполковнику С.Ф.МАРЧЕНКО, что в селе Алхан-Юрт содержится пленный сержант в/ч 3737 ИВАНОВ Александр Иванович, который может быть освобожден в обмен на бойцов из его отряда, пропавших без вести в Шатойском районе 10 июня 1995 г. в ходе боя с разведбатом 7-й воздушно-десантной дивизии.

Те пленные, что содержатся и селах, как правило, предназначаются для возможного обмена на пропавших без вести жителей этих сел.

20 сентября 1996 г. при посредничестве Ризвана ЛОРСАНОВА из села Новые Атаги были освобождены двое военнослужащих 8-го отряда спецназа ВВ МВД — Сергей ВЕДЕРНИКОВ и Владимир ХАРЛОВ, взятые в плен 31 мая в ходе боя на блок-посту в районе н.п.Шуани. Освобождение было проведено по предварительной договоренности с командующим объединенной группировкой ТИХОМИРОВЫМ, который обещал предпринять усилия для нахождения пропавших 7 августа южнее Грозного жителей села Старые Атаги ДУКУЗОВА и МААЕВА. В случае их освобождения ЛОРСАНОВ обещал содействовать освобождению группы из нескольких российских военнослужащих. ТИХОМИРОВ позже заявил, что о местонахождении атагинцев ничего не знает и сделать ничего не сможет. В начале октября в Атагах содержались несколько пленных, которые, по утверждению сельских авторитетов, могли бы быть освобождены в обмен на ДУКУЗОВА и МААЕВА 19.

* * *

Во всех перечисленных случаях можно говорить о контроле — пусть в разной степени — за содержанием пленных со стороны командования вооруженными отрядами, сельских комендантов и местных структур ДГБ.

Об индивидуальном заложничестве, об отдельных случаях, когда российские военнопленные в Чечне удерживались для возможного обмена в семьях пропавших без вести чеченцев — как участвовавших, так и не участвовавших в боевых действиях, — было известно и раньше в ходе работы по проекту "Поиск" 20. Однако в последнее время, по нашему мнению, такая практика приобрела систематический характер.

Еще в 1995 г. при формировании списков без вести пропавших с чеченской стороны для поиска и обмена были случаи, когда родственники уголовных преступников подавали сведения о них как о пропавших без вести. После сверки федеральной стороной этих списков с картотекой ГИЦ МВД РФ такие лица из списков были исключены 21. Теперь, видимо, родственники уголовных преступников пытаются действовать "в индивидуальном порядке". Удалось установить несколько случаев, когда пленных с целью возможного обмена перекупали и удерживали родственники осужденных или арестованных за уголовные преступления, совершенные вне территории Чечни и вне связи с конфликтом в Чечне. Дело дошло до того, что информацию об осужденном в Северной Осетии ингуше его родственники отвезли в Чечню в надежде на содействие.

Существовала на первых этапах войны и активно навязывалась федеральной стороной практика выдачи пленных за денежный выкуп. Однако в последнее время появились и иные "меновые эквиваленты".

Некий ШАМИЛЬ из села Асланбек-Шарипово Шатойского района заявил, что готов обменять двух пленных военнослужащих 245-го мсп на угнанный у него военными грузовой автомобиль "Урал". Автомобиль, действительно, был обнаружен в расположении сибирского спецназа. Несколько дней различные структуры, ведающие поиском и освобождением пленных, занимались добыванием этого "Урала". Далее последовали переговоры с ШАМИЛЕМ, в ходе которых он то требовал другую машину, так как его была сильно изношена, то предлагал других двоих пленных, то говорил, что за одну машину он отдаст только одного человека. Выяснилось также, что ему удалось выкупить у полевого командира или иным образом добыть целую группу пленных.

Таким образом, с окончанием боевых действий началось резкое "перетекание" пленных российских военнослужащих из военных структур и ДГБ к частным лицам. Наряду с их удержанием в семьях для "целевого обмена" на задержанных и пропавших без вести в ходе конфликта чеченцев участились случаи перекупки пленных для обмена на уголовных преступников, выдачи за деньги и иные ценности.

В целом складывается впечатление, что власти Ичкерии теряют контроль за содержанием пленных, который в ходе войны обеспечивался путем централизации содержания. Новая концентрация пленных могла бы вернуть ситуацию под контроль чеченских властей. Вопрос в том, насколько такое сосредоточение будет согласоваться с чеченскими нормативными актами и положениями международного гуманитарного права и какие оно повлечет последствия.

* * *

Организацию содержания пленных чеченской стороной на разных этапах вооруженного конфликта мы кратко описали для того, чтобы показать: наряду с децентрализованным содержанием в селах и отрядах в разное время существовали значительные группы пленных, содержавшихся централизованно. Отдельными, подчас конкурирующими структурами ЧРИ периодически предпринимались попытки их сосредоточения. На условиях содержания это сказывалось по-разному — все в конечном счете определялось субъективными обстоятельствами (личностью командира, моральным состоянием охраны, ходом боевых действий и т.п.) и степенью внешнего контроля за содержанием пленных — со стороны чеченского руководства, Международного Комитета Красного Креста, родственников, журналистов. И чем "прозрачнее" были места содержания пленных для внешних наблюдателей, тем в большей степени условия содержания задержанных соответствовали нормам международного гуманитарного права.

Становится очевидным, что некоторые пункты Положения "Об обращении с военнопленными" должны быть выполнены немедленно (так как объективные препятствия к их реализации на сегодня отсутствуют). В первую очередь это касается взаимодополняющих п.4 ("Военнопленные должны содержаться в специальных лагерях, соответствующих международным стандартам") и п.15 ("Для концентрации всех сведений о военнопленных предусматривается создание центрального справочного бюро"). В противном случае концентрация снова может обернуться либо бесконтрольной жестокостью, либо видимостью контроля. Последнее вызывает особенно серьезные опасения.

Известен случай, когда родственники пленного военнослужащего ВВ А.С.КОЧУРОВА, на конец сентября—начало октября 1996 г. числившегося за уполномоченным представителем ГШ ВС ЧРИ Идрисом МАЦАЛГОВЫМ и структурами ДГБ ЧРИ 22, получили письмо с предложением обмена от родственников К.Ю.ДЖАБРАИЛОВА, арестованного 1 ноября 1993 г. в Ростовской области и осужденного за бандитизм, приготовление и соучастие в убийстве при отягчающих обстоятельствах (статьи 77, 15, 17–102 УК РФ), а ныне отбывающего 11-летний срок в Вологодской тюрьме # 1.

В ноябре 1996 г. чеченской стороне были переданы сведения о случаях, когда частные лица предлагали освободить российских солдат в обмен на освобождение находящихся в заключении уголовных преступников, в частности освободить КОЧУРОВА, если из тюрьмы будет выпущен ДЖАБРАИЛОВ. Власти ЧРИ приняли меры, в результате которых в Аргуне были обнаружены и изъяты у частных лиц семь российских пленных, среди них — КОЧУРОВ и НОВОСАДОВ. Антона НОВОСАДОВА освободили и отдали матери, а остальных передали в ДГБ. По заявлению И.МАЦАЛГОВА, их, возможно, тоже освободят в одностороннем порядке 23.

* * *

В сентябре-октябре 1996 г. учет пленных велся местными структурами ДГБ и сельскими комендантами под контролем уполномоченных представителей Главного штаба ВС ЧРИ. Уполномоченные представители выявляли пленных, живущих в селах. Сосредоточение пленных не произошло, но все их перемещения визировались представителем Главного штаба 24. За три осенних месяца чеченской стороной были освобождены около 80 российских пленных. Однако к началу декабря 1996 г. всякая работа по подготовке обмена пленных прекратилась 25. Возобновить ее, по утверждению чеченской стороны, возможно после того, как приступит к работе совместная комиссия с широкими полномочиями.

4. ПЛЕННЫЕ: ОСВОБОЖДЕНИЕ

Чтобы оценить перспективы процесса освобождения и обмена пленных российских военнослужащих, необходимо кратко остановиться на обстоятельствах, предшествовавших освобождению и обмену.

После неудачного штурма Грозного 26 ноября 1994 г. первые пленные российские военнослужащие были освобождены без обмена — российской стороне было некого предложить в обмен. "Ценой", однако, стало косвенное признание российскими властями наличия внутреннего вооруженного конфликта, в котором сторонами являлись Россия и ЧРИ (эта цена оказалась эфемерной — через несколько дней российские власти стали говорить о "разоружении бандформирований"). Кроме того, чеченской стороной был получен большой пропагандистский (в смысле антивоенной пропаганды, т.е. в хорошем значении этого слова) капитал. Вплоть до 26 января 1995 г., пока еще была надежда на перемирие и начало диалога, чеченцы освобождали пленных в качестве жеста доброй воли и передавали матерям.

Во второй половине января 1995 г. освобождения пленных сменились обменами, при которых солдаты опять-таки передавались матерям, чтобы исключить их возвращение в воюющие части. Всего до июня было обменено около 150 военнослужащих. Относительный прогресс на этом пути был обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, последовательные действия российского командования, направленные на освобождение военнослужащих 22-й обр спн ГРУ, позволили объединить и в какой-то мере согласовать усилия многих структур — МВД, ФСБ, ГУИН и т.д.

Во-вторых, в организованных к тому времени фильтрапунктах содержались десятки чеченцев, задержанных на блок-постах, при зачистках и т.п., — "обменный фонд" федеральной стороны.

В-третьих (что, возможно, является важнейшим обстоятельством), чеченская сторона постоянно и последовательно стремилась освободить своих — и плененных в бою, и задержанных гражданских лиц.

Наконец, содержание российских военнослужащих в чеченском плену было относительно централизовано и находилось под контролем ГШ ВС ЧРИ, что позволяло вести переговоры и осуществлять обмены.

При этом в практической работе по освобождению не выдвигалось условие "всех на всех", речь шла об освобождении конкретных групп пленных, иногда сторонами указывались персоналии, освобождение которых было бы наиболее желательно. Например, в обмен на майора спецназа Вячеслава ДМИТРИЧЕНКО (см. с.23) чеченская сторона хотела получить одного из командиров своего спецназа — Ваху БАНЖАЕВА 1.

Отметим, что обмены этого периода были фактически нелегальными. Для федеральной стороны негласные обмены были предпочтительнее официальных контактов с чеченской стороной, контакты с отдельными полевыми командирами — удобнее, чем с представителями ГШ ВС ЧРИ, а выкуп — более приемлем, чем обмен. Все это определялось федеральной концепцией, по которой в Чечне происходило "разоружение бандформирований", — и этим власть сама формировала "рынок невольников".

Хотя Соглашения по блоку военных вопросов, подписанные 30 июля 1995 г. в Грозном после переговоров под эгидой ОБСЕ, предусматривали, в частности, освобождение насильственно удерживаемых лиц по принципу обмена "всех на всех", очень скоро стало ясно, что это положение не только практически неосуществимо, но и — более того — препятствует процессу освобождения пленных.

Еще до подписания соглашений, в ходе переговоров в июне-июле 1995 г. в качестве "жеста доброй воли" были освобождены, кажется, последние пленные, находившиеся в распоряжении ГШ ВС ЧРИ. В августе штаб предпринял новую попытку сосредоточить оставшихся пленных в селе Чире-Юрт (см. с.31). Большинство из тех немногих, кого удалось собрать к концу сентября, пробыли в плену до 17 марта 1996 г., когда были освобождены под угрозой "зачистки" села.

Когда встал вопрос об обмене "всех на всех", выяснилось, что списки пропавших без вести, представленные чеченской стороной, страдают теми же недостатками, что и федеральные.

Списки пропавших без вести гражданских лиц 2, переданные на переговорах чеченской стороной 3, представляли собой распечатки из базы данных, созданной в системе "Индекс" в рамках проекта "Поиск" ПЦ "Мемориал". На тот момент она содержала:

— сведения из Отдела розыска МВД ЧР 4 о 700 пропавших без вести людях, на которых были заведены розыскные дела 5, — фамилии, имена, отчества, годы рождения;

— сведения, представленные родственниками в Рабочую группу по организации и контролю за освобождением насильственно удерживаемых лиц в составе СНК 6, — в разрозненных записках не всегда были указаны или расшифрованы инициалы, часто отсутствовал год рождения, многие записи дублировали друг друга с небольшими разночтениями.

Списки составлялись как поисковые, в них не были внесены дополнительные сведения о человеке, об обстоятельствах его исчезновения или задержания, не проводилась сверка на предмет устранения дублирующих записей. База данных была передана чеченской стороне в расчете на последующую работу 7, а не для предъявления требования выдать всех указанных в ней 1308 человек.

До декабря 1995 г. были найдены 469 человек, значащихся в списке, из них 8:

опознаны	после	экстумации	братских	могил —	382	тела,
обнаружены	живыми —	87,	и	в	том	числе:
в	заключении,	в	СИЗО	на	фильтрапунктах —	23,
освобождены с	фильтрапунктов —	31.				

Одновременно поступали новые заявления о пропавших людях, так что список пропавших без вести все время состоял из 1200–1500 человек.

К августу 1996 г. минимальные дополнительные сведения имелись о 263 людях, внесенных в список, но только в 55 случаях они касались обстоятельств исчезновения или задержания и могли быть использованы для поиска. Остальные записи по-прежнему содержали только фамилию, имя, отчество, год рождения. Сверка списка, имеющая целью установить, не нашлись ли эти люди, уточнить имеющиеся и получить дополнительные сведения, чеченской стороной не проводилась.

Как соотношение уже найденных живыми и мертвыми — 1:4, так и имеющиеся оценки людских потерь в ходе боев в Грозном 9, из которых следует, что из общего числа погибших (25–29 тысяч) пропавшими без вести считаются до 900 человек, дают основания полагать, что в оставшемся списке погибшие составляют большинство 10. И именно этот список без вести пропавших чеченская сторона представляла на переговорах как список насильственно удерживаемых.

К розыску чеченцев, которые предположительно могли содержаться в российском плену, федеральная сторона прилагала еще меньше усилий, чем к розыску своих. Однако стиль ее был тот же: сверка с доступными массивами информации — большими списками и картотеками.

Так, на переговоры в Грозном были представлены сведения ГУИН о задержанных за период с 11 декабря 1994 г. по 22 июля 1995 г. и содержавшихся на фильтрапунктах 11. Анализ этих списков (в основном распечаток из рабочих баз данных фильтрапунктов) показал, что велись они

крайне небрежно (десятки дублирующих друг друга записей, ошибки в фамилиях, отсутствие годов рождения, отчества, адресов) и малопригодны для поиска конкретных людей. Сведения о 798 освобожденных не всегда соответствуют действительности (см., например, сообщение о В.БАНЖАЕВЕ на с.38); включены не все находившиеся на фильтрапунктах (распечатки, полученные непосредственно на Моздокском фильтрапункте 12 родственниками пропавших без вести, содержат сведения о 103 содержавшихся там задержанных, не внесенных в приложение к "Справке" ЗЛЫДЕНКО); наконец, списки касались только Моздокского и Грозненского фильтрапунктов, а далеко не все задержанные доставлялись именно туда — с весны 1995 г. значительная их часть оставалась в неофициальных местах содержания ("Куликово поле" в районе станицы Ассиновская и т.п.) 13.

* * *

Работа с переданными чеченской стороной списками могла принести существенные результаты несмотря на их невысокое качество. Так как помимо группы Х.ХАМИДОВА родственники пропавших обращались в Отдел розыска МВД ЧР, Прокуратуру ЧР, Военную прокуратуру и Кавказскую межрегиональную прокуратуру, эти (и только эти!) инстанции вели какую-то работу и имели какую-то информацию о пропавших без вести. Постоянное взаимодействие с ними могло бы привести к выяснению судьбы части людей из списков — именно так, путем серии запросов из Комиссии Государственной думы, удалось выяснить обстоятельства гибели нескольких человек. Несравненно легче и быстрее эту работу могла бы вести Группа розыска, находившаяся в Грозном.

Однако пометы на передававшихся чеченской стороной списках указывают: кроме сверки с документацией фильтрапунктов (т.е. прямо поставленной задачи), списки сверялись только с картотекой ГИЦ МВД РФ. Но даже по картотеке ГИЦа в списке без вести пропавших были выявлены несколько десятков ранее судимых — как отбывших меру наказания и освобожденных до начала конфликта, так и продолжающих находиться в местах лишения свободы. Первый результат совершенно бесполезен и указывает разве на то, что эти люди действительно существовали, второй — важный, но вспомогательный.

Выборка (вероятно, также предоставленная ГИЦ) по находящимся в настоящее время в заключении чеченцам (на 5 июля 1996 г. свыше 1900 человек), задержанным вне связи с конфликтом в Чечне, переданная российской стороной чеченской, вызвала вполне предсказуемую реакцию: "Нам пытаются подсунуть уголовников". От этого направления работы вряд ли можно ждать чего-то, кроме новых требований обмена пленными на уголовников, выставляемых родственниками заключенных, купившими себе "живой товар".

Следует отметить, что при поиске задержанных для последующего обмена, как и в случае российских пленников, основным рабочим инструментом были списки, а не система личных дел. Федеральная сторона отвечала большими списками, не содержащими необходимых сведений, на представленный ей большой список, не содержащий достаточных сведений. Поиск шел "под фонарем" — там, где сконцентрированы малополезные сведения, а не там, где рассеяна искомая информация.

Как видим, обе стороны не знали "всех" своих и не могли найти "всех" чужих, и буквальное понимание условия обмена "всех на всех" могло заблокировать этот обмен навсегда.

Отметим, однако, что подписанный еще в сентябре 1995 г. сопредседателями СНК А.МАСХАДОВЫМ и А.РОМАНОВЫМ документ "Механизм дальнейшей реализации Соглашения по мирному урегулированию ситуации в Чеченской Республике (по блоку военных вопросов)" содержал способ обойти это препятствие:

"<...> 2. ПО ПУНКТУ "Б" СОГЛАШЕНИЯ:

Стороны взаимно обмениваются списками насильственно удерживаемых лиц и списками лиц, без вести пропавших, а также сведениями о местах захоронения российских военнослужащих и жителей Чеченской Республики Ичкерия, согласовывают и утверждают указанные списки с правом выезда на места для их уточнения.*

В целях взаимного освобождения насильственно удерживаемых лиц по принципу "всех на всех" стороны принимают в качестве отправных данных для последующего обмена 89 российских военнослужащих (по сведениям российской стороны), удерживаемых в качестве пленников чеченской стороной, и 1438 граждан чеченской национальности, удерживаемых в фильтрационных пунктах и других местах российской стороной (по сведениям чеченской стороны) 14.

Обмен всеми выявленными насильственно удерживаемыми лицами осуществляется на первом этапе исходя из принципа "всех на всех" с учетом конкретно установленных лиц на данный момент (чеченской стороной установлено 14 чел., российской стороной — 145 чел.). В дальнейшем передача осуществляется по мере выявления указанных лиц.

Для проведения работы по выявлению незаконно удерживаемых лиц создается подкомиссия организации и контроля за освобождением насильственно удерживаемых лиц.

(Российская сторона заявляет, что Чеченская Республика Ичкерия не признана законодательством Российской Федерации)*

Принципиальное решение было найдено в разложении процесса обмена "всех на всех" в последовательность шагов — "тех, кого нашли, на тех, кого нашли", в серию последовательных легальных освобождений 15.

Еще одним — субъективным, но не менее существенным — препятствием к возобновлению обмена пленными стала неспособность сторон перевести процесс в легальное русло.

Рамки закона и достигнутых договоренностей ощущались обеими сторонами не как средство, а скорее как препятствие в процессе освобождения насильственно удерживаемых лиц. Условие "всех на всех" было невозможно выполнить (по крайней мере, немедленно), но, ссылаясь на него, оказалось неожиданно легко пресекать попытки частичных освобождений и обменов. И если ранее отдельные освобождения складывались в процесс, то теперь одно противопоставлялось другому.

Процесс освобождения пленников тормозили и некоторые структуры и инициативы, которые, по идее, должны были бы ускорить освобождение насильственно удерживаемых, но на деле использовались скорее как средство пропаганды и политической борьбы.

Приведем несколько примеров, относящихся к периоду после декабрьских выборов в ЧР, когда возобновились боевые действия и стороны, как и в начале войны, имели определенный фонд для обмена удерживаемыми лицами.

В декабре 1995 г.—первых числах января 1996 г. в ходе конфиденциальных переговоров представителей администрации Ставропольского края с чеченскими командирами, удерживавшими захваченных в Ачхой-Мартане ставропольских строителей, удалось договориться об условиях их освобождения. Однако параллельное обращение в структуры "главы Чеченской Республики" Д.ЗАВГАЕВА привело к тому, что последние распространили через СМИ информацию об изыскании ими крупной суммы для выкупа. Сообщение преследовало явно пропагандистские цели, но именно этот эпизод вынудил ДУДАЕВА заявить, что он не торгует людьми, и приступить к концентрации пленников и заложников в СИЗО ДГБ 16. Многие из строителей за время заключения погибли.

Через некоторое время, после серии контактов с депутатом Государственной думы РФ К.БОРОВЫМ ДУДАЕВ передал ему нескольких освобожденных солдат и заявил, что в дальнейшем все обмены и освобождения пленных будут вестись только через Комиссию Государственной думы. Однако Комиссия лишь "содействовала" освобождению пленных 17 — остальное было политической рекламой.

Параллельно в декабре 1995 г. — феврале 1996 г. в Шатойском районе велись переговоры об освобождении 28 пленников военнослужащих 245-го мсп, захваченных 14 декабря на блок-посту. Переговоры шли в рамках проводившейся завгаевской администрацией кампании "подписания мирных соглашений" с селениями и районами Чечни. Были достигнуты договоренности: из Шатойского района выводятся федеральные войска, задержанные жители района обмениваются на содержащихся в районе российских пленников, местные авторитеты добиваются ухода с территории района чеченских вооруженных отрядов. Планировавшийся обмен, как и сами "подписания мирных соглашений", широко использовались в пропагандистских целях, но 15 февраля обмен сорвался точно так же, как ранее сорвалось освобождение ставропольских строителей. Участвовавший в переговорах с российской стороны подполковник В.БЕНЧАРСКИЙ заявил:

... Оказалось, что тот представитель боевиков, который вел переговоры и который согласился на обмен, почему-то вчера исчез. Говорят о том, что якобы его увезли представители дудаевской стороны туда, к себе, с предъявлением ему каких-то там претензий. Обвинения ему были предъявлены еще за прошлый обмен, который мы производили. А без него там, к сожалению, никто решения принять не смог 18.

Командир был обвинен в том, что вел переговоры об освобождении пленников, минуя единственный легитимный канал — Комиссию Государственной думы и депутата БОРОВОГО. Солдат 245-го мсп переправили в СИЗО ДГБ. Через месяц, 15 марта, десять из них погибли под бомбежкой при эвакуации лагеря из Старого Ачхоя.

* * *

30 мая 1996 г. (уже после подписания Московских договоренностей) в ходе "проверки паспортного режима" в Шали федеральными силами были задержаны 14 чеченцев — завгаевские милиционеры и гражданские лица. В ответ 31 мая чеченский отряд после многочасового боя штурмом взял федеральный блок-пост в районе села Шуани и захватил 27 военнослужащих ВВ. Вскоре после этого российским и чеченским командирам при посредничестве Р.ЛОРСАНОВА удалось договориться об их обмене, требовалась лишь санкция командующего группировкой МО в Чечне генерала В.ШАМАНОВА. Однако тот по телефону ответил, что в Москве решили менять "всех на всех", а посему он этот частичный обмен запрещает, и бросил трубку 19.

Обмен все же состоялся 9–10 июня в рамках подписанных к тому времени Назрановских соглашений, тоже, кстати, предусматривавших освобождение по принципу "всех на всех". Среди тех, чье освобождение ШАМАНОВ задержал на десять дней, было пять раненых 20.

Во всех этих эпизодах проявилось характерное отношение, во-первых, к закону — как к инструменту запрета, а не достижения цели, а во-вторых, к самой проблеме пленников — как к средству пропаганды. Для многих из тех, от кого зависело освобождение пленников, закон и свобода человека не были основной ценностью и целью, но служили вспомогательным средством политической борьбы.

Отметим, что эти отдельные эпизоды происходили на фоне непрекращающихся нелегальных обменов и выкупов, на фоне и при явном преобладании сложившегося и поддерживаемого стараниями российской стороны криминального "невольничьего рынка".

* * *

Анализ процесса обмена и освобождения пленников в ходе чеченской войны показывает, что многие из способствовавших ему на ранних этапах обстоятельств в настоящее время отсутствуют:

— во-первых, напрасны надежды федеральной стороны на то, что чеченцы начнут освобождение пленников в одностороннем порядке, как в начале войны. Сегодня, когда пропавшими без вести с чеченской стороны числятся больше тысячи человек, население Чечни этого не поймет. Нет мотивов для массового одностороннего освобождения пленников и в пропагандистских целях ("акт доброй воли"): чеченская сторона военным путем добилась поставленных задач;

— во-вторых, у обеих сторон в настоящее время нет больших централизованно контролируемых групп насильственно удерживаемых лиц для быстрого обмена;

— в-третьих, такие группы вряд ли будут быстро созданы — затруднена, как сказано выше, централизация российских пленников чеченской стороной, а федеральная сторона практически не ведет поиск пропавших без вести чеченцев;

— в-четвертых, склонность обеих сторон к пропаганде и неумение использовать закон и договоренности как средства достижения общей цели, а не в качестве инструмента сдерживания противника могут сорвать даже объективно осуществимый акт обмена.

Таким образом, хотя Хасавюртовские соглашения и предусматривают освобождение насильственно удерживаемых лиц, именно сейчас предпосылки к выполнению этого пункта договоренностей практически отсутствуют.

5. ОСВОБОЖДЕНИЕ И АМНИСТИЯ

Как видим, есть немало преград на пути к выполнению мирных соглашений в части взаимного освобождения насильственно удерживаемых лиц. Но даже если стороны сделают невозможное: чеченская выявит всех находящихся на контролируемой ею территории российских военнослужащих, а федеральная — находящихся в заключении чеченцев, проблема освобождения насильственно удерживаемых лиц решена не будет.

Хотя выше мы говорили о необходимости рассмотрения процесса освобождения как последовательности отдельных шагов, которым не должны препятствовать законы и договоренности, это условие "не мешать" относилось скорее к должностным лицам, ссылавшимся на них. Способствовать процессу, создавать предпосылки для этих отдельных шагов должны еще и сами правовые акты. Сегодня таких правовых предпосылок нет.

Война заканчивается по-настоящему лишь когда похоронены все погибшие и вернулись домой все живые. Объявляют же о ее окончании обычно гораздо раньше. На чеченской земле мир объявить нельзя, потому что войны не было — имело место "разоружение бандформирований".

Боевые действия прекратились, но все их участники с чеченской стороны с точки зрения "конституционного порядка" остаются "бандитами, совершившими убийства при отягчающих обстоятельствах", и подлежат уголовному преследованию.

Летом 1995 г. угроза задержания бойцов чеченских отрядов федеральной стороной определила ценность российских пленных для возможного обмена и сорвала их концентрацию для массового освобождения. Сегодня не прекращены уголовные дела против участников боевых действий с чеченской стороны — даже против передаваемых на обмен. Следовательно, не исключена возможность их повторного ареста.

Амнистия участникам конфликта имеет и другое значение. Россия не объявляла войну Чеченской Республике Ичкерия, значит, войны не было. А "разоружение бандформирований" — это не война с противником как с целым, но боевые действия против каждого ополченца в отдельности. Амнистия, то есть прекращение этих "частных войн", в данном случае означала бы объявление о прекращении большой необъявленной войны.

Возможно, еще более необходима амнистия российским пленным — для них существует риск после освобождения из чеченского плена попасть в российскую тюрьму.

Реакция власти на возникшую проблему пленных после их освобождения, в общем, является логическим продолжением их реакции на факт пленения. В ситуации необъявленной войны, когда пленные вроде бы не существуют, освобожденные солдаты оказались в полном правовом вакууме.

Война в Чечне начиналась как секретная операция ФСК, поэтому логична первая реакция тогдашнего министра обороны П.ГРАЧЕВА — отрицание и причастности МО к происходящему, и фактов пленения военнослужащих МО. ФСК рассчиталась с ними или с их родственниками по условиям контракта. Никаких сведений о преследовании "ноябрьских" пленных в законном порядке мы не имеем.

Однако после новогоднего штурма Грозного проблема пленных стала явной. Стало очевидно и отношение командования к пленным в ситуации, когда "добровольно сдавшиеся", "ослушавшиеся приказа" и "оставившие свои позиции" портили все рапорты о военных победах. На первых порах даже не имело особого значения — сам человек сдался, дезертировал и попал к чеченцам или был насильственно захвачен в ходе боевых действий. Определение того, при каких обстоятельствах сдача в плен называется военными юристами добровольной, нам не известно.

Реакция властей на попавших в плен (по крайней мере тех, кто заявлял о своем существовании) соответствовала советской традиции: пленных у нас нет — есть предатели.

Старший лейтенант Максим Владимирович ЯЩЕНКО, участвовавший в новогоднем штурме Грозного 1, был ранен и пленен вместе со взводом 5 января 1995 г. в районе железнодорожного вокзала. Неделю он провел в плену в подвале президентского дворца, а 13 января был освобожден вместе с группой пленных, переданных солдатским матерям и правозащитникам 2. После освобождения Максим дал несколько интервью о пребывании в плену. Через три месяца, 14 апреля ЯЩЕНКО был арестован военной прокуратурой танкового корпуса в Богучарах и этапирован в Москву. Ему было предъявлено обвинение по ст.ст.238а, 246б, 260а, 250г УК РФ (умышленное неисполнение приказа, неподчинение начальнику в боевой обстановке в военное время). 27 апреля Максима отправили этапом во Владикавказ. Дело готовилось для передачи в суд, однако, по-видимому, возытели действие многочисленные выступления в его защиту, и 13 июня ЯЩЕНКО был освобожден по амнистии, объявленной к пятидесятилетию Победы.

Возможно, дело ЯЩЕНКО прекратили и потому, что "боевой обстановки в военное время" не было — как не было войны.

* * *

Оказавшись перед дилеммой — карать попадающих в плен и бегущих из частей по законам военного времени или в контексте обычного, а не чрезвычайного законодательства, власть выбрала столь же логичный, сколь и абсурдный вариант: применять к пленным статьи УК, касающиеся различных факторов, сопровождающих пленение (отсутствие в части, утрата оружия), не упоминая при этом о факте нахождения в плену.

Инициатива применения подобного подхода принадлежит, скорее всего, не органам военной юстиции — к ним дела попадают именно в таких формулировках. Командование при исчезновении солдата склонно рапортовать о "самовольном оставлении части" 3. Как правило, причину исчезновения можно действительно сформулировать и так: большая часть известных нам случаев пленения в период с лета 1995 г. формально начиналась с того, что солдат "немного отошел" от расположения части — "поесть слив" (см. ниже историю П.КОЛЫБЕЛКИНА), постирать (как пленный в то же время пограничник Сергей ДУБИНЕЦ), собрать дров, добыть еды и т.п. Достоверно об этих солдатах известен только сам факт оставления части. Подобные формулировки устраивают командиров частей еще и по той причине, что мера их ответственности за "оставление части" солдатом меньше, чем за его пленение. И естественным актом самозащиты является оформление пропавшего солдата как "самовольно оставившего часть". Дальше уж дело движется своим ходом: когда пленного освобождают, прочие "составы преступления" (утрата оружия и т.п.) рассматриваются следствием именно в контексте "самовольного оставления части".

Рядовой 503-го мсп КОЛЫБЕЛКИН Павел Валентинович в июле 1995 г. в районе села Махкеты отошел метров на тридцать от расположения части "в сад слив поесть" и нарвался на засаду из четырех боевиков. У него отобрали автомат, завязали глаза, посадили на лошадь и увезли в горы.

В горах Павла посадили в блиндаж и держали там больше месяца. 8 августа 1995 г. его передали из отряда в село Чири-Юрт для обмена 4. Выглядел он нормально, на обращение не жаловался — "кормили тем, что едят сами".

О местонахождении Павла чеченцы сообщили родственникам, и к нему приехал из Калуги отец, Павел Валентинович, который с августа в ожидании обмена жил вместе со всеми пленными.

17 марта 1996 г. при "зачистке" Чири-Юрта федеральными силами КОЛЫБЕЛКИН вместе с остальными пленными был передан Сопредседателем Рабочей группы СНК И.МАДАЕВЫМ сотруднику Группы розыска подполковнику В.БЕНЧАРСКОМУ "по протоколу" и до конца марта жил с отцом в Ханкале. Затем они отправились во Владикавказ, к месту дислокации части.

В полку им не очень обрадовались. Командир дивизиона сразу сказал, никто тебя в плен не брал, ты сам ушел. С отцом разговаривать не стали, а Пашу посадили в машину и повезли в прокуратуру гарнизона. В прокуратуре никого не оказалось, тогда рядового Колыбелкина привезли обратно и посадили в комендатуре. Допрашивали. Потом перевели на гауптвахту. Там, на "зубе", он сидел почти месяц 5.

Документы на возбуждение уголовного дела собирали долго. Не сразу, но была предъявлена ст.218 ("хищение оружия"), хотя в разговоре с Павлом командир дивизиона сказал, что по поводу оружия претензий нет: его автомат изъяли при "зачистке" в одном из сел.

Уголовное дело по факту хищения оружия возбуждается в течение 10 суток со дня пропажи. Автомат (вместе с Пашей) пропал 10 июля. Дело возбудили через шесть месяцев, 22 декабря, причем возбуждала его не прокуратура Владикавказского гарнизона, а военная прокуратура в Грозном. Надо сказать, что когда Пашу уже посадили на "зубу", следователь Мондинов еще не получил из Грозного его документы.

Пашин отец уехал домой в Калугу 5 апреля, когда сын сидел на гауптвахте. Не мог больше оставаться, у него уже совсем не было денег — восемь месяцев просидел в плену вместе с сыном. Через месяц пришло письмо: с гауптвахты меня выпустили, оставляют дослуживать не до полутора, а до двух лет, а в остальном все нормально. Отец только вздохнул с облегчением, как 25 мая получил новое известие: следствие возобновили, через неделю — суд 6.

О предстоящем суде над сыном Валентина Митрофановича никто не извещал. Тогда отец обратился за помощью в Комиссию Государственной думы. 10 июня 1996 г. из Владикавказа пришел ответ на срочный запрос комиссии:

Уголовное дело в отношении военнослужащего военчасти 29483 КОЛЫБЕЛКИНА Павла Валентиновича 4 июня 1996 г. прекращено по ст. 5, п.2 УПК РСФСР — военпрокурор ЛЕОНОВ 7.

* * *

Рядовой 324-го мсп ОКРУЖНОВ Владимир Владимирович, родом из Приморского края, был взят в плен при налете на блок-пост и находился в плену более двух месяцев. 14 марта 1996 г. Владимир был освобожден, передан матери и увезен ею из Чечни. А 4 апреля 1996 г. его арестовали в Хабаровске в поезде сотрудники ФСБ. При этом матери В.ОКРУЖНОВА не сообщили, каковы были основания для задержания, — сказали только, что он "дезертир". Возможно, какую-то негативную роль сыграла в этой истории фраза из газеты "Московские новости" о том, что В.ОКРУЖНОВ хоть и был взят в бою, особого сопротивления не оказал... 8 В.ОКРУЖНОВА передали военной комендатуре Хабаровска и поместили в СИЗО, где он провел без малого полтора месяца. 3 мая его направили этапом во Владикавказ, где он и находился на середину октября 1996 г. 9

* * *

В описанных случаях (как и во многих других) несмотря на разницу конкретных обстоятельств обращает на себя внимание общее:

— наследие "оборонного сознания" — подозрения в добровольной сдаче в плен и сотрудничестве с врагом;

— несоответствие обвинений реальной ситуации, т.е. квалификация действий военнослужащих в терминах законодательства мирного времени — "самовольное оставление части", "утрата оружия";

— применение к "самовольно оставившим часть" карательных мер, так как основная задача военной юстиции в современной российской армии состоит не в определении меры вины, а в поддержании дисциплины;

— как следствие — ввиду правовой неопределенности и невозможности точно сформулировать состав обвинения постепенное свертывание возбужденных уголовных дел путем замены более тяжелых пунктов обвинения на менее тяжкие, а порой и полное прекращение дел.

При этом надо отметить, что даже в случае прекращения дела сами условия содержания в СИЗО, на этапе и гауптвахте, процесс дознания и предварительного следствия достаточно тяжелы, чтобы "воспитательная задача", довлеющая над правосознанием командиров, следователей и прокуроров — "примерно наказать, чтобы другим неповадно было идти в плен", — была выполнена.

Положение усугубляется и тем, что правоохранительные органы систематически нарушали правила, не информируя своевременно родственников о возбуждении уголовного дела, а расследование велось не по месту жительства обвиняемых, а в местах дислокации частей на Северном Кавказе, где затруднена или просто невозможна адвокатская помощь. Централизация следствия и судопроизводства по делам бывших пленников в местах дислокации частей помогает скрыть эти нарушения от общественности, одновременно усиливая "воспитательное воздействие" на военнослужащих. Для самих подследственных, нуждающихся после освобождения в психологической реабилитации, возвращение в Чечню представляло собой дополнительную психологическую травму.

На 7 октября 1996 г. самовольно оставившими часть числились более 700 военнослужащих из состава Объединенной группировки 10. Против них было возбуждено свыше 200 уголовных дел 11. Сколько из них тянется до сих пор, сколько освобожденных из плена арестованы и содержатся на гауптвахтах и в СИЗО — эта статистика растворена в общем потоке сведений о преступлениях военнослужащих СКВО.

Очевидно, что такие меры воздействия отнюдь не укрепляли боевой дух солдат воевавших в Чечне частей федеральных войск. Тем более не способствуют они возвращению солдат, остающихся у чеченцев. Была создана ситуация, когда, брошенные Родиной на произвол судьбы, пленные оставались у противника добровольно, принимали мусульманство, а некоторые даже начинали воевать на чеченской стороне.

* * *

Основными субъектами противоправных деяний, совершенных во время вооруженного конфликта, являются его участники. По характеру, объему и обстоятельствам совершения преступлений они подпадают под юрисдикцию не только внутреннего законодательства, но и международного гуманитарного права, которое предусматривает процедуру объявления "гражданского мира" в немеждународном вооруженном конфликте — часть 5 статьи 6 Второго дополнительного протокола к Женевским конвенциям: "По прекращении военных действий органы, находящиеся у власти, стремятся предоставить как можно более широкую амнистию лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, были ли они интернированы или задержаны".

Кроме того, реальное окончание боевых действий на территории Чечни и необходимость скорейшего преодоления причин и последствий конфликта требуют особых усилий (в том числе и законодательного порядка) для примирения враждующих сторон.

При обсуждении возможной широты охвата амнистии мы сталкиваемся с дилеммой: добиваться самой широкой амнистии, освобождающей от уголовной ответственности всех участников боевых действий, вне зависимости от тяжести совершенных ими преступлений, или ограничить амнистию жесткими рамками.

Резоны есть у сторонников обеих концепций.

* * *

Среди политиков и в СМИ при обсуждении возможных форм амнистии участникам конфликта с чеченской стороны основной проблемой является включение в ее рамки полевых командиров и рядовых участников наиболее известных террористических актов, в первую очередь — в

Буденновске. Между тем представители силовых структур четко понимают возможность и желательность амнистии для мирного процесса (правда, не в публичных высказываниях).

Подготовленный в июне 1996 г. командующим объединенной группировкой ВВ МВД России в ЧР генерал-майором И.Н.РЫБАКОВЫМ документ "Оценка развития ситуации в Чеченской Республике и прогноз основных путей выхода из кризиса" содержал, в частности, следующие утверждения:

2. Меры по разрешению конфликта мирным путем:

<...> учесть что возбуждение уголовных дел против лиц, причастных к преступлениям против граждан, совершению терроризма, участию в незаконных вооруженных формированиях, усугубляет процесс достижения мирного согласия противоборствующих сторон (в мировой практике подобным образом решались вопросы в Израиле, когда правительство вынуждено было в конечном итоге после долгих лет противостояния сесть за стол переговоров с лидером ООП Ясером АРАФАТОМ. По этому сценарию развиваются события и в Северной Ирландии, где правительство Англии после двадцати лет противостояния против Ирландской Республиканской Национальной Армии (ИРНА) по вопросу о статусе Ольстера вынуждено начать диалог с теми, кто преследовался по закону).

Эти аргументы генерала РЫБАКОВА в первую очередь касаются лидеров ЧРИ — З.ЯНДАРБИЕВА и А.МАСХАДОВА. Россия оказалась в двусмысленном положении: с одной стороны, с ними ведутся переговоры, а с другой — против них не прекращены уголовные дела. Однако те же доводы РЫБАКОВА применимы и в отношении Шамиля БАСАЕВА. Следовательно, принципиальных возражений против самой широкой амнистии у руководства объединенной группировки не было еще в "дохасавюртовский" период.

*** * ***

К лету 1996 г. в распоряжении следственной бригады, расследовавшей буденновское дело, был единственный арестованный:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ об изменении меры пресечения

" " июля 1996г.

г.Буденновск

Старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации государственный советник юстиции 3 класса ИСКАНЦЕВ А.Г., рассмотрев материалы уголовного дела #18/238241–95 о бандитском вооруженном нападении на г.Буденновск,

УСТАНОВИЛ:

В июне 1995 года НАСАГАЕВ Юнус Султанович, находясь на территории Чеченской Республики, с целью нападения на предприятия, учреждения, организации и граждан, вошел в организованную банду в количестве 100 человек, возглавляемую Ш.БАСАЕВЫМ.

В составе банды, имеющей при себе автоматическое оружие, гранатометы, ручные гранаты, взрывчатые вещества, средства взрывания, на автомашинах марки КАМАЗ в сопровождении автомашины, переоборудованной под милицкий автомобиль "Жигули", 14 июля 1995 года около 12 часов он совершил вооруженное нападение на отдел внутренних дел, здание Администрации, узел связи, отделение сбербанка, пожарную часть, здание отделения Федеральной службы безопасности, частные домовладения и на граждан г.Буденновска Ставропольского края, обстреляв при этом из названного оружия, в ходе чего было умышленно при отягчающих обстоятельствах убито свыше 100 человек.

Ведя беспорядочную и прицельную стрельбу на улицах города и сея панику среди жителей, он совместно с МАДАЕВЫМ, ШИМИРБАЕВЫМ и другими членами банды захватили более 1000 граждан, насильно увели их в здание центральной районной больницы, где удерживали до 19 июня 1995 года.

С учетом доказательств, имеющих в уголовном деле, НАСАГАЕВУ Ю.С. предъявлено обвинение по ст.ст.77, 102, п.п. "д", "з", "н" УК РСФСР.

Принимая во внимание указание Генерального прокурора Российской Федерации о передаче НАСАГАЕВА Ю.С. правительственной Комиссии Российской Федерации для производства обмена на граждан, находящихся в плену у незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики, где ведутся боевые действия, а также учитывая, что все необходимые следственные действия с обвиняемым выполнены, руководствуясь ст.ст. 89, 101 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Изменить обвиняемому НАСАГАЕВУ Ю.С. ранее избранную меру пресечения в виде заключения под стражу на подписку о невыезде.

Старший следователь по ОВД Генеральной прокуратуры Российской Федерации государственный советник юстиции 3 класса А.Г.ИСКАНЦЕВ

Юнус НАСАГАЕВ был передан для обмена и обменян на российских пленнх.

Таким образом, в практическом плане осуществление амнистии — в случае, если бы она была объявлена, — также не потребовало бы существенных изменений в позиции следственных органов.

Что же касается остальных участников террористического акта в Буденновске, находящихся на свободе — как рядовых, так и их непосредственных командиров, — то именно они в настоящее время активно взаимодействуют с российской стороной в ходе мирного урегулирования в Чечне.

При формировании Центральной объединенной комендатуры (ЦОК) Грозного было поставлено условие включать в ее состав только лиц, устраивающих обе стороны, по взаимному согласованию. В настоящее время костяк чеченской части ЦОК составляют отряды Асланбека АБДУЛХАДЖИЕВА и Асланбека ИСМАИЛОВА — заместителей БАСАЕВА в ходе буденновской операции. Сами они постоянно взаимодействуют с представителями российского командования, будучи заместителем коменданта и комендантом города соответственно. Третий заместитель БАСАЕВА — Абу МОВСАЕВ — по-прежнему возглавляет ДГБ ЧРИ.

* * *

Правозащитный центр "Мемориал" считает, что предполагаемая широкая амнистия лиц, противоправные деяния которых связаны с чеченским конфликтом, не должна распространяться на тех, кто нарушил, с точки зрения международного гуманитарного права, минимальный уровень гуманности, определяемый статьей 3 Женевских конвенций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После окончания боевых действий в Чечне важнейшими задачами для России остаются освобождение пленнх и поиск пропавших без вести военнослужащих.

Пленнх содержатся децентрализованно — в чеченских отрядах, селах, семьях. В настоящее время, по заявлению чеченской стороны, сосредоточение пленнх для последующего обмена не ведется. Происходит "перетекание" пленнх из-под контроля структур ЧРИ к частным лицам. Идет торговля людьми, предпринимаются попытки их обмена на уголовных преступников.

Правовой их статус для чеченской стороны не определен, нормативные документы на этот счет отсутствуют. Российская сторона, в свою очередь, два года систематически выводила ситуацию с пленными за пределы правового поля.

Одними из самых срочных задач являются, во-первых, установление правовой определенности положения пленнх в рамках гуманитарного права и, во-вторых, контроль за ситуацией со стороны гуманитарных организаций.

Заключенные мирные соглашения предусматривают обмен сторон насильственно удерживаемыми лицами по принципу "всех на всех". Необходимая предпосылка для начала этого процесса — амнистия участникам конфликта. Как следовало из заявлений официальных лиц, закон об амнистии участникам конфликта в Чечне должен был быть принят Государственной думой в начале ноября 1996 г. Разработанный Правительством законопроект предполагает обычную амнистию и не содержит положений, относящихся к участникам конфликта в Чечне¹. Проекты амнистии, внесенные депутатами, либо не включают в число амнистируемых участников конфликта с чеченской стороны, либо подразумевают амнистию лидеров ЧРИ, с которыми российское правительство ведет переговоры. Во всех случаях амнистии не подлежат чеченские бойцы, удерживаемые федеральной стороной. Это может навсегда закрыть российским пленным дорогу домой. До конца 1996 г. закон об амнистии принят не был и, видимо, будет обсуждаться не ранее февраля 1997 г.

Не менее серьезное препятствие к освобождению пленнх — катастрофический недостаток достоверных сведений о судьбе и местонахождении пленнх и насильственно удерживаемых лиц. Используемые в настоящее время списки военнослужащих в большинстве случаев не содержат данных о последнем или вообще о каком-либо достоверном свидетельстве, согласно которому человек числится пленным. На сегодняшний день российская сторона не контролирует ситуацию с разыскиваемыми военнослужащими. Сведения о пленнх, предоставляемые спецслужбами, отрывочны и недостоверны; аналитическая работа также крайне неудовлетворительна.

Кроме того, освобождение пленнх тормозит само условие обмена "всех на всех".

Российские структуры не предпринимают существенных усилий к поиску чеченцев, задержанных и пропавших без вести в ходе конфликта. Многие из них погибли, и в настоящее время необходимо найти места их захоронений, эксгумировать и опознать трупы.

Списки пропавших без вести гражданских лиц также не могут служить рабочим документом для организации обмена. Решением может быть разложение процесса обмена "всех на всех" на серию последовательных, легальных, локальных освобождений.

В настоящее время трудно рассчитывать, что чеченская сторона будет продолжать освобождение пленнх в одностороннем порядке. Возможностей для немедленного обмена или для быстрой — до весны — его подготовки в настоящее время также нет.

Чтобы начать этот процесс, необходимо срочное налаживание реальной работы совместной комиссии с широкими полномочиями, состоящей из профессионалов. Единственное, что могло бы существенно сократить списки без вести пропавших гражданских лиц, — эксгумации и опознание. Для этого нет базы, и чтобы не везти сотни тел в Москву или Ростов, необходимо развернуть в Грозном филиал 124-й СМЛ.

Проблема пропавших без вести не менее остра — сотни солдат Кавказской войны остаются неизвестными.

Сведения о числе погибших в ходе вооруженного конфликта в Чечне российских военнослужащих противоречивы. Определенно можно сказать, что их более четырех тысяч (включая военнослужащих и сотрудников МО, МВД и ФПС).

Опубликованный поименный список погибших военнослужащих МО содержит много неточных и дублирующих друг друга записей и, возможно, неполон. Причина этого, в частности, в том, что сам список долгое время оставался секретным.

Пленными, пропавшими без вести и самовольно оставившими часть числятся свыше тысячи военнослужащих. В 124-й СМЛ находятся более четырехсот требующих опознания тел. Закрытость и бесконтрольность привели к тому, что ошибки идентификации тел погибших практически неустраняемы. Структуры, занимающиеся поиском и опознанием, не могут их исправить, так как лишены возможности по отдельным эпизодам сопоставлять сведения о неопознанных телах, об обстоятельствах исчезновения "пропавших без вести" и о погибших. Опубликованный список погибших не закрыт, а будет пополняться, несмотря на прекращение боевых действий.

Восстановить путь каждого из тысяч солдат трудно, но необходимо. Это может занять годы. И для этого, возможно, придется заново переписать всю историю Кавказской войны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приложениях к докладу мы публикуем списки военнослужащих МО, ВВ МВД и сотрудников МВД:

— погибших в ходе вооруженного конфликта в Чеченской республике (Приложение 1, 4393 человек);

— пропавших без вести и пленных (Приложение 2, 706 человек);

— самовольно оставивших части (Приложение 3, 706 человек).

Списки представляют собой отредактированный вывод по соответствующим категориям (“Погибшие”, “Пропавшие без вести и пленные”, “Самовольно оставившие часть”) из созданной в рамках проекта “Поиск” программы “Горячие точки” Правозащитного центра “Мемориал”. Всего на момент выпуска доклада в базе содержатся сведения о более 7500 военнослужащих.

Мы не публикуем списки освобожденных из плена, а также требующий выверки массив из примерно 400 персоналий, относящихся к различным категориям, известных нам по единичным упоминаниям в относительно малодостоверных источниках.

Чтобы облегчить выявление дублирующих записей, в списках даны возможные разночтения в сведениях из разных источников. Варианты фамилии, имени, отчества приводятся через косую черту, при этом первым указывается наиболее правдоподобный, по нашему мнению, вариант. Категория персоналии также указывается с возможными разночтениями (“без вести”, “плен”, “погиб в плену”, при сомнениях — с вопросительным знаком). Иногда в скобках приводятся разночтения в воинском звании. Варианты воинской части перечислены через союз “или”.